

СТАНИСЛАВ СЕРГЕЕВ

ШЕРЛОК ХОЛМС
МЦЕНСКОГО УЕЗДА

Боевая фантастика (АСТ)

Станислав Сергеев

Шерлок Холмс Мценского уезда

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Сергеев С. С.

Шерлок Холмс Мценского уезда / С. С. Сергеев — «Издательство АСТ», 2022 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-151416-7

Российская империя, 1881 год. Пару месяцев назад террористами убит император Александр II. В государстве идет жестокая и непримиримая борьба с нигилистами, поднявшими руку на Помазанника Божьего. На фоне таких судьбоносных событий в далекой Вологодской губернии происходят не менее интересные происшествия: похищение столичной княгини, нападение на полицейский патруль, уничтожение банды каторжников. Во всех этих событиях оказался замешан наш современник, волею судьбы сумевший перейти грань между мирами.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-151416-7

© Сергеев С. С., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	22
Глава 3	32
Глава 4	42
Глава 5	52
Глава 6	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Станислав Сергеев

Шерлок Холмс Мценского уезда

Все события цикла вымышлены. Любые совпадения, аналогии, сходства являются случайными и не несут никакого злого умысла

Серия «Боевая фантастика»

© Станислав Сергеев, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Пролог

Мценск, июнь 1881 года

Лето уже окончательно и бесповоротно вступило в свои права, и даже к вечеру, когда солнце уже давно село, держалась та самая духота, которая выматывала в течение всего такого длинного и наполненного событиями дня. В гомон обычных и привычных звуков типичного уездного городка резко со стороны вокзала, одной из местных достопримечательностей, ворвался залиvistый свисток отходящего поезда.

Идущий чуть в стороне прилично одетый в недорогой, но неплохо скроенный костюм пожилой мужчина демонстративно достал из кармана в жилетке часы-луковку на серебряной цепочке, шелкнул крышкой и пробормотал:

– Вот шельмецы, опять опаздывают...

Бросив на него мимолетный взгляд, молодая девушка в простом скромном платье быстро и профессионально оценила человека и, занеся в список неинтересных и не опасных, тут же переключила свое внимание на других людей, которые в этот вечерний час двигались по своим делам по одной из центральных улиц Мценска.

Вот в коляске, управляемой усатым возницей, грозно покрикивающим на прохожих, проехала дородная матрона-купчиха, всем своим напыщенным видом стараясь показать богатство и то, как она относится к этим простым смертным. Но у большинства эта картина вызывала просто улыбки, а где-то и презрительные взгляды. Все-таки Мценск городок не большой и почти все и так друг друга знают, и вот такое демонстративное позерство вчерашней мещанки, удачно окрутившей вдового пожилого купца, уже было привычным и неинтересным.

Девушка миновала еще несколько домов, ловя на себе заинтересованные взгляды молодых мужчин, и подошла к красиво украшенной витрине кондитерского магазина. Она скорее уже по привычке еще раз бросила взгляд в сторону, откуда только что пришла. Хм, этого человека она видела за последний час второй раз, и это уже вызвало настороженность. Молодой крепкий парень с явно выраженной военной выправкой с характерным чубом, выбивающимся из-под козырька простого картуза, одетого чуть-чуть набок, как это принято у казаков. Она чуть успокоилась, ну или пыталась сама себя успокоить.

«Военный, точно, из казаков», – опять быстро и беспристрастно констатировала она, но и это успокоило. Те, кого она опасалась, шпики департамента государственной полиции, действовали совершенно по-иному, и их слежку часто не удавалось обнаружить до самого момента, когда наваливались толпой и вязали руки. Но тех, кто из этого грозного учреждения в данный момент работал в этом городе, она знала не только в лицо, но и по именам и не опасалась, но привычка проверяться на наличие слежки у нее осталась. Вот этот парень и привлек ее внимание. Может, кто-то из местных ее взял под наблюдение, но вроде пока ни причин, ни предпосылок для этого не было.

Парень, в этот момент покупавший с лотка у уличного торговца какой-то пирожок, наверно почувствовав взгляд девушки, удивленно повернулся и поднял брови, что выглядело довольно комично, и, не скрываясь, осмотрел ее с ног до головы оценивающим взглядом.

«Точно казачина», – с неприязнью подумала девушка, отвернувшись от назойливого мужлана, который явно переоценивал свои мужские достоинства. Она прошла еще один квартал, привычно оглянувшись и не увидев ничего настораживающего, решительно зашла в цирюльню, где у нее должна была состояться встреча с нужным ей человеком, этническим поляком, который давно и трепетно сочувствовал их великому делу и при необходимости пока выполнял мелкие поручения. Звонко брякнул дверной колокольчик, извещающий, что в помещение вошел посетитель, и буквально через несколько мгновений из-за ширмы показался

молодой куафер, который с натренированной улыбкой и угодливым выражением лица на чисто русском проговорил:

– Прекрасная госпожа, чем могу быть полезным?

Девушка, с иронической улыбкой глянув в глаза этому прилизанному типчику, напомнившего ей сразу большого раскормленного крысеныша, сразу вызвавшего у нее стойкую антипатию, коротко спросила:

– Меня интересует французская прическа.

Это была кодовая фраза, и глаза куафера сразу поменялись. Из приторно-угодливого крысюка он почти мгновенно преобразился в зверя, каким он, наверно, внутри и был. И тут девушка напряглась, ощутив эти изменения.

– Госпожа предпочитает стрижку с покраской волос? Это был тоже оговоренный вопрос.

– Нет, только стрижка и завивка. Если мне понравится, завтра попробуем подкраситься хной.

– Великолепно, рыжий цвет вам будет очень к лицу.

Куафер заметно расслабился, когда правильно без ошибок прозвучали все положенные вопросы и ответы.

– Медея?

– Да.

– Ваши люди вас ждут, пройдемте.

Он сделал шаг к входной двери. Внимательно осмотрел улицу на предмет наблюдателей, накинул задвижку и повесил табличку, что он отлучился и будет в течение получаса.

Они быстро зашли в смежную комнатку, откуда был выход на другую улицу. Это помещение, видимо, использовалось для кратковременного отдыха и для опытов с химией, о чем говорило множество всяких склянок, пробирок, заполненных разнообразными веществами. Девушку чуть передернуло от недавних воспоминаний – ее жених тоже увлекался химией и погиб при попытке сделать для святого дела борьбы с русским царем очередную большую бомбу. Но он что-то не рассчитал и подорвался, унеся с собой семьи нескольких несчастных бедняков, что ютились в этом же бараке на окраине Варшавы.

На топчане сидели и терпеливо ждали бойцы ее маленькой группы, которые почти синхронно встали при ее появлении.

– Агнешка, – довольно улыбнулся, высокий и плечистый черноволосый Вацлав, чем-то напоминавший цыгана. Он после смерти ее Збигнева взял что-то вроде шефства, ну и конечно, в будущем претендовал на ее внимание. Ей это льстило, но слишком много было крови на руках у Вацлава, и слишком уж он легко пускал в ход и нож и револьвер, это ее немного пугало.

Простоватый, наивный и улыбчивый светловолосый Адам, открыто смотрящий своими голубыми глазами на мир, он, наверно, еще окончательно не осознал, что в мире много зла, и ему очень скоро придется во все это окунуться. Ну и конечно, невысокий, юркий тихоня Константин, мастер слезки и точных, четких неожиданных ударов в спину. Он почти всегда оставался в тени своих более ярких соратников, но при этом был, наверно, самым опасным и смертоносным в этой группе. Именно он, по заданию их благодетеля, убил ту самую девушку, место которой она занимает в данный момент.

– Ну как ты? Как с царскими шпиками работать? – участливо спросил Вацлав.

Она чуть поморщилась.

– Познавательное, но все время приходится быть настороже. Эти люди очень неглупы и их не стоит недооценивать.

Вацлав усмехнулся, и на лице его явно проступило что-то презрительно-покровительственное, и девушка с трудом сдержалась, чтобы не высказать своему соратнику недовольство. Она просто сделала вывод о том, что этот мужчина очень много потерял в ее глазах и в дальнейшем с ним не стоит строить долгосрочные планы.

А вот Константин, реально намного старше, чем он выглядит, наоборот показал, что не зря уже пережил несколько составов таких вот групп. Он, с его звериным чутьем опасности, сразу задал тот самый вопрос, который она ожидала. Девушка знала, что именно Константин был в курсе их основного задания и являлся одним из контролеров со стороны Хозяина.

– Медея, за тобой никто не шел? – он принципиально не называл по именам, а пользовался кличками.

– Вроде нет. Несколько раз проверялась, но ничего особо интересного.

– Но ведь тебя все равно что-то насторожило, – весьма пронизательно, но при этом мягко настаивал боевик.

– Есть пара моментов.

Константин блеснул глазами, он как никто был заинтересован выполнить задание в этом мерзком русском городишке.

– Говори, ты сама знаешь, что многие вещи идут только на интуиции.

– Хорошо. Видела несколько раз странного босяка. Вроде не в себе. Часто вроде как разговаривает сам с собой, что-то шепчет.

– Ну, очередной убогий, чем тебя заинтересовал?

– Взгляд. Взгляд абсолютно осмысленный, не свойственный убогому. Да так смотрит, как будто через прицел, такое ни с чем не перепутаешь. Очень похож на мокрушника.

– Он крутился возле князя?

– Да вот как раз нет. Я специально смотрела, к князю он ни разу не приближался.

– Твое мнение?

– Может, местный или пришлый деловой, но очень бы не хотелось с ним встречаться.

– Хорошо, а второй?

– Тоже совсем близко встретился, вроде приказчик или какой-нибудь мастеровой, вот только чуб казацкий да выправка строевая.

– Хм. Думаешь, по нашу душу? Солдат или полицейский?

– По наглому взгляду больше похож на полицейского, но смотрел как на шлюху, может, и привиделось. Хотя в окружении объекта нашего интереса было несколько полицейских из казаков. Но где Мценск, а где Яренск. Хотя с этими все может быть.

– Все равно, Медея, возьми на заметку. Твоя интуиция и память уже пару раз нас спасали...

– А это не ваш ли казачок там? – вмешался в разговор куафер, который все это время молча стоял возле ширмы, прикрывающей выход в зал, и сквозь щель посматривал на стеклянные окна парикмахерской, контролируя обстановку.

Девушка, сделав пару шагов, заменив куафера, быстро посмотрела сквозь щель и выдала свой вердикт:

– Да, это он.

Подошедший Константин тоже глянул, отметив развитую мускулатуру, больше свойственную воину, и стать человека, который, стоя у витрины, с большим интересом осматривал пустую парикмахерскую, куда только-только зашла девушка. Польский боевик отметил армяк, за отворотом которого точно был спрятан револьвер, и странный черный шнурок, тянувшийся к уху неведомого соглядатая. С образом мастерового, которого он из себя корчил, это никак не вязалось, поэтому нужно было принимать решение. То, что куафер засвечен и много слышал и видел, было ясно, что по выполнению задания его нужно будет кончать – слишком многое стоит на кону. Им предстоит великое деяние, и на пути к этому любые жертвы оправданны. Если надо будет, то он и Вацлавом и Адамом пожертвует, а уж если прижмет, то и Агнешкой, поэтому, чтобы избежать ненужных жертв, придется действовать быстро и решительно.

– Медея, спокойно выходишь и идешь вперед по улице, останавливаешься около булочной. Мы тебя обгоняем и прячемся в проулке рядом с трактиром. Заходишь туда, ведешь за собой хвост. Тут мы его и берем.

– Будем убивать? – с предвкушением спросил Вацлав.

– Да, но сначала нужно задать вопросы. Слишком мне эта возня не нравится, особенно перед большим делом. Да и казачок этот тоже непростой, чувствую, будут с ним проблемы.

Константин как в воду глядел. Да, полицейский, а это был он, оказался молодым да глупым и пошел, как телок, за Агнешкой в расставленную ловушку, вот только схватить его просто так не получилось, уж больно ловок оказался. Он быстро смекнул, что попал в ловушку, и лихо раскидал Вацлава и Адама, которые сразу ринулись на него с разных сторон, при этом жестко отвечая короткими ощутимыми ударами. Казачок все время ловко перемещался, делая так, что нападающие мешали друг другу и выстраивались один за другим, при этом он четко и профессионально бил хорошо поставленными ударами своих противников. Когда-то Константин по заданию Хозяина помогал горцам на Кавказе воевать с русскими и несколько раз сталкивался с пластунами, и именно такое он видел, поэтому, быстро оценив уровень противника, он в несколько прыжков сократил дистанцию, неожиданно оказавшись за спиной казачка, и двинул ему по затылку короткой палкой.

Нашумели они знатно, поэтому пришлось хватать полицейского и срочно тащить в близлежащий дом купца Пиденко, который, по словам куафера, сочувствовал их делу.

Уже вечером, когда пленника затащили в подвал и привязали к стулу, они смогли нормально его обыскать, и тут тоже не обошлось без сюрпризов.

Полицейский револьвер Смит-Вессона не сильно их удивил, а вот документы и отпускное предписание, выписанные на конного стражника яренской уездной полиции Антона Алексеевича Еремеева, вызвали шок у Агнешки.

– Яренск! – в сердцах воскликнула она.

И только Константин ее понял. Если здесь яренский полицейский, значит, где-то рядом находится и предмет интереса их и их Хозяина – Катран, легендарная и очень опасная личность для их дела. Именно, чтоб собрать хоть какие-то крохи информации, они столько времени следили за князем, а тут в Мценске за ними самими уже следит человек Катрана. Это был фактически провал и приговор всей группе, ибо Хозяин всегда жестко рубил любые ниточки, которые могли привести к нему.

Константин переглянулся с Агнешкой, которая тоже все прекрасно поняла, но надо продолжать дело, и они снова вернулись к осмотру вещей захваченного полицейского, вдруг найдут что-то более интересное и ценное, чем можно будет перед Хозяином компенсировать свой провал.

Станный черный шнурок у него умудрились вырвать из уха во время драки, и он был из какого-то необычного черного мягкого материала, но большее внимание привлекла странная черная коробочка с длинным штырьком. На ней английскими буквами было вытиснено странное название «Baofeng» и какие-то разноцветные кнопки с нанесенными на них буквами и цифрами. Все это выглядело настолько необычно и чужеродно, что Агнешка поняла – вот оно, хоть что-то из вещей Катрана, про которого ходят легенды, что он вроде бы даже пришел из другого мира, карать отступников и преступников.

Прошло минут пять, в подвал спустился купец Пиденко, в волнении интересующийся, что ему ожидать от таких странных гостей. Он на всякий случай отослал подальше своих детей, чтоб они не увидели и не услышали чего лишнего. И тут в самый разгар неожиданно зашипела та самая черная коробочка с надписью «Baofeng» и понятным, но немного искаженным человеческим голосом заговорила:

– Сокол-Один, Сокол-Один, ответьте Гнезду. Сокол-Один, Сокол-Один, ответьте Гнезду.

Прошло несколько мгновений, и в подвале установилась мертвая тишина – никто ничего подобного никогда не видел и не слышал. По прошествии минуты коробка снова заговорила:

– Сокол-Два, Сокол-Три! Сокол-Один дискредитирован, переходим на резервную волну. Подтвердить прием на резервной волне.

И все, замолчала, но этого было достаточно, чтобы бледный и перепуганный Вацлав схватил эту коробку и со всего размаха бросил об пол. Она развалилась на две части и больше не шипела и не говорила. Но и того, что они услышали, хватило, чтоб вызвать чувство страха у всех находящихся в комнате.

Пока полицейский не пришел в себя, Константин с Агнешкой отошли в сторону, чтоб обсудить сложившуюся ситуацию.

– Ты когда-нибудь видела такое и представляешь, что это?

Она отрицательно замотала головой.

– Я тоже, но теперь представляю, что это может быть.

– Что? – с интересом встрепенулась девушка.

– Это что-то вроде телеграфа, но без проводов, по которому можно переговариваться голосом. Ты сама слышала.

Она думала несколько мгновений.

– «Сокол-Один» – это этот полицейский?

– Очень похоже, и если предположить, что этот дьявол Катран где-то рядом, то они уже знают, что мы захватили его человека, и будут его искать.

– Но как? Мы ж вроде не оставили следов?

– Я тоже так думаю, но уже ни в чем не уверен, и мне кажется, что слухи, что Катран пришел из другого мира, не такие уж и вздорные.

– Так что, Константин, будем делать?

– Делать? Надо заметать следы. Отсидимся тут до утра, попытаемся выбить, что сможем, из этого казачка, и утром будем выбираться из города.

Куафера, вопреки его желанию присутствовать на допросе плененного полицейского, отправили дежурить на улицу, а Вацлав сходил наверх, «проведал» купца. Когда он вернулся, на вопросительный взгляд Константина он криво усмехнулся, демонстративно вытер окровавленный нож об армяк полицейского и фыркнул:

– Все нормально, купец и его жинка никому ничего не расскажут.

Дальше пояснений не нужно было никому.

Потом в себя пришел полицейский, и его долго и усердно избивали, пытаясь выбить хоть какие-то крохи информации, но тот только ругался матом и разбитыми губами приговаривал:

– Он вас найдет и накажет. Никто от него еще не уходил.

На попытки выдать чуть больше он только выговорил:

– Вы сами его вызвали своей злобой и своими преступлениями, теперь не жалуйтесь.

Прошло несколько часов, все уже порядком устало, да и нервозность обстановки накладывала свой отпечаток.

Вацлав, оттирая от крови разбитые кулаки, обратился к самому младшему члену их группы:

– Адам, иди, смени этого... как бы он не заснул там под утро.

И Константину и Агнешке не понравилось такое вот отношение, да и сам факт нарушения субординации в отряде вызвал раздражение, ну и конечно соответствующие выводы, которые впоследствии должны были вылиться для Вацлава в летальные неприятности.

Адам с фонарем в руке уже стал подниматься по лестнице, когда услышал какие-то шаги в доме, и вполголоса позвал куафера:

– Анджей, это опять ты в уборную бегаешь и пост покидаешь?

И тут же испуганно воскликнул:

– Езус Мария!

Но ни выстрелов, ни криков не было. Вроде кто-то хлопнул в ладоши три раза, во всяком случае, звук был похожий, и на лестнице что-то загрохотало, как будто Адам споткнулся и покатился по лестнице.

Разозленный Вацлав схватил еще один фонарь и вышел из комнатки в большой зал подвала:

– Адам! Курва твоя мать!¹ Ты опять на этой лестнице споткнулся! Еще пожар раньше времени устроишь!

Но, видимо, что-то увидел или услышал, и его рука с зажатым в ней револьвером стала подниматься для выстрела.

Константин и Агнешка на все это смотрели как бы со стороны, поэтому четко видели все происходящее.

Опять слышались те самые хлопки.

Тум-тум-тум! – только намного ближе, и в них явственно вплетался металлический лязг.

А вот Вацлав задержался, получив несколько пуль в грудь и одну в голову. Облако кровавых брызг долетело и до молчаливых свидетелей.

Поляк только упал на пол, а Константин, вскинув револьвер, несколько раз выстрелил в сторону лестницы, разумно предположив, что нападающие именно там, и тут же предусмотрительно сбил лампу, которая подсвечивала их для неведомых стрелков в темном подвале. В полной темноте он еще пару раз выстрелил, и тут опять раздались характерные хлопки.

Агнешка в полной темноте с ужасом видела тонкий красный лучик, который буквально шарил по стенам комнатки в поисках жертвы.

Тум-тум-тум!

Константин, который решил перебежать, вскрикнул, и было слышно, как он упал на пол, и тут что-то маленькое, шипящее влетело в комнату, и кто-то в зале крикнул: «Глаза!»

Она не успела ничего ни сделать, ни крикнуть, как ярчайшая вспышка ослепила ее, а грохот в маленьком помещении был такой силы, что она просто оглохла и потеряла ориентацию. Девушка в страхе пыталась куда-то ползти, все искала спасительную норку, куда она сможет забиться и спрятаться от страшного чудовища из другого мира, которое пришло за ними, как обещал этот избитый полицейский. Что это явился Катран, она уже и не сомневалась. Как их нашли, как проникли в дом, над этим она даже не задумывалась, лишь бы спрятаться, лишь бы уползти подальше.

В себя она начала приходить, когда ее посадили на тот самый стул, где до этого сидел плененный полицейский, и с определенной сноровкой привязали, зафиксировав Руки.

Она пыталась найти выход, осматривала людей, которые были в комнате, и взгляд остановился на странном человеке в еще более странной пятнистой форме, со шлемом на голове и в какой-то тканевой пятнистой маске, скрывающей лицо. Но вот взгляд этот она узнала – тот самый босьяк на улице, который привлек ее внимание. Это и есть Катран, и ей стало страшно, очень страшно – он все это время был рядом и играл с ними, как кошка с мышкой. Да и, наверно, этого казачка специально им подсунул, чтоб они проявили себя.

Тут она разглядела Аристарха Петровича Архипова, руководителя специальной группы департамента государственной полиции, с которой она сотрудничала, и попыталась надавить на его жалость, но тот только равнодушно пожал плечами.

«Он все знает», – последняя надежда угасла, и она с ужасом начала смотреть, как один из тех головорезов Катрана оголил ей привязанную руку.

Пауза. Все находящиеся в комнате люди посмотрели на это чудовище из другого мира, который из пенальчика достал белый предмет с иголкой, чем-то отдаленно напоминающий

¹ Польское ругательство.

шприц для инъекций, и сделал к ней шаг и спокойно, равнодушно, как будто обращаясь к неодушевленной кукле, проговорил:

– Ты все расскажешь, и даже больше того, вспомнишь то, чего точно уже не помнишь. Ты расскажешь, когда у тебя пошли первые месячные, расскажешь, кто и когда тебя сделал женщиной и кто и когда подписал на эту работу **ТЫ ВСЕ РАССКАЖЕШЬ!**

Глава 1

С позиции своего возраста многие решения и поступки прошлого оцениваются совершенно по-другому. Благодаря юношескому максимализму и элементарной игре гормонов, умудрился наворотить в молодости столько, что часто самому просто не верится. За некоторые поступки до сих пор краснею, а про некоторые могу рассказывать молодому поколению с гордостью и легкой ностальгией по тем беззаботным временам. Но сейчас это уже почти неважно, все, что было хорошего и плохого в молодости, учеба, работа, семья, дети, служба в органах государственной безопасности, перечеркнуто большим жирным крестом судимости, поломанной судьбой и фактическим одиночеством в зрелом возрасте.

Я родился в Советском Союзе и никогда этого не забывал, даже втайне гордился этим. Мой отец, военный летчик, долго гонял военно-транспортные борта и потом, переучившись, пересел на стратегические бомбардировщики. Поэтому все мое детство прошло по гарнизонам Забайкалья, и только перед самой пенсией наша семья переехала в Крым, где поселились в гарнизоне в Гвардейском, недалеко от Симферополя. Здесь я встретил развал Союза, здесь закончил школу. В военное училище поступить не получилось, поэтому пришлось стать студентом Севастопольского приборостроительного института, у которого был один большой и неоспоримый плюс – наличие военной кафедры, выпускавшей неких «недоофицеров» для Военно-морских сил Украины. Поэтому от срочной службы во всех ее проявлениях во времена горячих девяностых годов в виде голода, дедовщины я был вроде как избавлен. По окончании учебы пару лет мотался на гражданке, сменив несколько мест работы, имеющих то или иное отношение к моей радиотехнической специальности. Программировал и продавал бухгалтерскую 1С, прокладывал локальные сети, вешал камеры видеонаблюдения, монтировал сигнализации и даже ставил шлагбаумы, со всей атрибутикой типа рытья котлованов и бетонирования оснований.

Потом повезло, что у отца обнаружился старый сослуживец, который вовремя подсуетился и перевелся в Крымское управление Службы Безопасности Украины. Он меня, после встречи и проникновенного разговора, порекомендовал кадровикам в качестве перспективного кандидата. После соответствующей спецпроверки мне назначили куратора и, пройдя все этапы, я был призван на службу в органы государственной безопасности Украины.

В принципе, несмотря на текучку, обычный дебилизм военной организации и особую специфику, служба мне нравилась. Слушали кого надо, смотрели за кем надо, ловили телефонных террористов и жестко наказывали, чтоб другим неповадно было. Как-то очень плотно работали по группам черных копателей, сумевших поставить на поток поднятие с мест боев всякого военного хлама типа значков, касок, элементов снаряжения и остального мусора, который обычно после себя оставляли отступающие войска. Пока они не переходили границы дозволенного, их никто не трогал. Ну, конечно, кроме местных бандосов и мелкой милицейской шушеры, которые просто стригли с них свои купоны – обычная пищевая цепочка конца девяностых. Но эти ухари умудрились найти старую партизанскую закладку, выполненную по всем правилам, и начали прощупывать возможность продать оружие серьезному криминалу. И вот именно после того, как до нас дошла оперативная информация об этом прискорбном факте, и начали их вести по всем правилам, обложив со всех сторон, как бешеных волков на отстреле. В итоге горе-коммерсантов на эпизоде сбыта брала со всей pompой наша крымская «Альфа». Именно тогда, когда эти идиоты, поняв, во что вляпались, сдали партизанскую закладку, я вдоволь настрелялся из различного советского и немецкого оружия, благо патронов не жалели и особенно не считали – лень было везти обратно такие тяжести и предпочли излишки просто расстрелять в густом лесу. Понравился настоящий ППШ выпуска 41-го года, своей надежно-

стью, неприхотливостью и скорострельностью, погнался МП-40, тоже неплохая машинка. ТТ не впечатлил, больше лег в руку «парабеллум».

В общем, за время службы много чего видел интересного. Тогда же, в начале двухтысячных встретил свою первую супругу, Оксану, причем все было просто и банально: познакомился на пляже под Евпаторией во время отпуска. Закрутился курортный роман, переросший в нечто большее, во всяком случае для меня. Как у нас принято, я не сильно афишировал, где служу и чем занимаюсь – за лишние и не по делу махания «корочками» перспектива получить по голове всегда была очень высокой и неотвратимой.

Моя будущая супруга, как оказалось, тоже носила офицерские погоны и служила в Министерстве обороны, где-то в воинской части на Западной Украине. Пробыть место службы и адрес не составило особого труда, и как появилась такая возможность, смотался к ней в гости. Оказалось – не зря, она хорошо запомнила неунывающего крымчанина, который ей пришелся по сердцу, и была абсолютно не против продолжить отношения уже на более серьезном уровне, тем более девушке давно хотелось замуж. К слову, там у меня произошел конфликт с неким майором, который, оказывается, испытывал определенные чувства к моей будущей супруге и попытался надавить всем своим авторитетом и звездами на погонах. Естественно, был послан пешим сексуальным маршрутом, после чего пришлось полизать зубами и навесить пару фонарей и получить в ответ подобные украшения. Результатом разборок стало совместное употребление навороченного коньяка с местным опером из военной контрразведки, курирующим эту часть, который был в курсе моего интереса и вовремя явился разруливать ситуацию. Ему по большому счету скоро было уходить на пенсию, и на этом фоне еще не хватало на территории его ответственности разборок с крымскими коллегами. Да и, как оказалось, любвеобильный майор не в первый раз скандалит на почве ревности и всех уже достал своими пьяными выходками. В итоге будущая супружница не находила себе места в течение пары часов и с тревогой смотрела на закрытую дверь кабинета, где я уединился с местным «молчи-молчи». Контрразведывательный коллега полностью одобрил мой выбор и рекомендовал девочку побыстрее переводить в Крым, так как данную воинскую часть скоро будут сокращать.

Посидев положенное время, мы, пожав друг другу руки в знак отсутствия спорных тем, стали расходиться. Выйдя из кабинета вслед за коллегой, наткнулся на свою ненаглядную Оксану, с тревогой ожидающую результатов «трудных и непростых переговоров». Но увидев наши довольные физиономии и почувствовав запах крутого коньяка, она быстро смекнула, что дело улажено, облегченно вздохнула. Только тогда Оксанка меня смогла разболтать относительно моего примерного места службы и, уже окончательно успокоившись, быстро просчитала всю ситуацию. Она сама прекрасно знала о будущем сокращении части и, конечно, согласилась перевестись в Крым, с перспективой поменять фамилию. Майора, кстати, отправили куда-то под Черновцы, руководить полигоном, где он вроде как после кровопролитного и длительного сражения с зеленым змием с ускорительным пинком был отправлен на пенсию, освободив доблестные Збройны Силы от своего присутствия.

Дальше все было делом техники: отношения, переводы, личные дела – и вот моя супруга служит в бывшем штабе 32-го Армейского корпуса на улице Павленко в Симферополе.

Я часто вспоминаю ту историю с доброй улыбкой – молодость, уверенность в своих силах, лихой наскок и приз в виде супруги. Даже по прошествии стольких лет и так внезапно и нехорошо закончившегося этого брака, я все равно горжусь собой. Наверно, это один из самых ярких эпизодов моей тогдашней жизни.

Дальше все пошло по накатанной – служба, командировки, долгожданное рождение сына, но потом грянул февраль 2014 года. Власть в Киеве рассылала импотентские приказы не поддаваться на провокации, при этом требуя не допустить попадания штатного оружия в руки «правосеков». Помню, как спешно минировались здания, на конспиративные квартиры вывозилась секретная документация и сервера с уникальными базами данных. При этом сотруд-

ники, выходящие на службу, принципиально не вооружались даже табельным оружием и в случае штурма зданий должны были обороняться чуть ли не швабрами и стульями. Поэтому я тогда даже умудрился свой личный тюнингованный С КС притащить на службу, чтоб в случае чего иметь хоть какую-то огневую мощь и увеличить шансы на выживание.

После того как озверевшие нелюди сожгли под Конотопом автобусы с крымчанами, а многих просто забили палками, а выживших гоняли по полям и устраивали импровизированное сафари, всем стало понятно, что с этой обезумевшей стаей нам не по пути.

Когда в Крыму появились «зеленые человечки» и наше управление взяли под жесткую охрану коллеги из-за Керченского пролива, то мы успокоились. Чуть позже, убедившись, что в ближайшей перспективе пострелушек и всякого экстрима не намечается, уже начали смотреть на все происходящее в роли статистов, знающих, ну может, чуть больше – агентурная сеть и службы перехвата работали в прежнем режиме, только в Киев собранная и систематизированная информация уже не передавалась. Да, в принципе, такой возможности уже и не было. Специалисты народного ополчения как-то уж слишком профессионально вывели из строя все основные каналы связи и у нас, и у пограничников, и у вояк. Общаться с Украиной могли только по простым телефонным каналам и интернету, но по всем писанным и неписанным правилам никаких серьезных распоряжений таким образом нельзя было передавать и тем более получать. Уровень достоверности минимален, и есть определенный порядок и выделенные защищенные каналы, по которым должны были передавать распоряжения боевого управления в особый период. Поэтому поднять по тревоге воинские соединения Крыма или хотя бы дать команду на вскрытие пакетов, которые хранятся у любого оперативного дежурного, новое правительство Украины просто физически уже не могло.

Пограничники, поругавшись с крымским руководством «Укртелекома», как-то смогли найти точки воздействия, и ремонтники со скрипом поехали восстанавливать одну из релейных станций, пользуясь надерганными с других точек запчастями. Но такая связь проработала всего несколько минут – снова приехали ополченцы, извещенные кем-то из руководства крымского «Укртелекома», которым тоже очень не хотелось жить под отморозками бандеровцами, и вывели оборудование из строя уже окончательно и бесповоротно.

Ну а затем все было просто: «вежливые люди», вооруженные ополченцы на блокпостах, растерянные украинские военные в дореволюционных «брониках» и поношенных камуфляжах, «поезда дружбы», качественный и профессиональный отлов провокаторов и диверсантов. Референдум и эйфория от того, что те волны ненависти ко всему русскому, что годами накачивались на Крым со стороны Киева, прекратились.

Кто захотел – остался, кто нет – на пенсию, или уехали на Украину и скоро стали нашими противниками.

На фоне таких судьбоносных и для Крыма, и для России, да может, и для всего мира событий у меня в личной жизни произошли не сильно хорошие изменения – супруга, забрав сына, уехала на Украину. Утром уходил на службу – была, а вечером вернувшись – нет ее, нет сына, части документов и вещей. И всего лишь одна короткая записка на столе, которая все объясняла: «Ненавижу вас, москалей».

Видимо, зная, где я служу, предполагала, что могу остановить ее, повлиять на выбор, поэтому и поступила вот так продуманно и фактически по всем правилам конспирации реализовала операцию по эвакуации. Ее понять можно – все родственники на Украине, да и тем, кто вернется из Крыма, обещали золотые горы, вот и приняла решение вернуться. Ну что ж, Бог ей судьба. Потом, через пару лет на связь через скайп вышел сын и задал один вопрос: «Папа, почему ты предал Украину?» Что я мог ответить, если ответ его не интересовал, а сам вопрос звучал в виде приговора.

Было тяжело. Да и на новой службе к факту побега супруги отнеслись очень внимательно и долго мурыжили всякими проверками. Хотя практически всех, кто перешел из крымского

управления СБУ в ФСБ, долго и тщательно проверяли, такова уж специфика работы. Да и не беспричинно – были случаи прямого предательства среди перешедших, и это сказывалось на доверии к остальным.

В такой ситуации, как у меня, был всего один выход – удариться в работу, что я и сделал. Чем занимался? Да все тем же, только на несколько ином уровне – техническое обеспечение, конечно, было на несколько порядков лучше и современнее, чем то, с чем приходилось работать до перехода Крыма к России.

Потом был развод, несколько попыток как-то упорядочить личную жизнь. Хорошей отдушиной стало увлечение практической стрельбой, куда меня втянул в качестве терапии давний друг, профессор психиатрии. Реально нашел себя – поездки почти каждые выходные на полигон реально помогали расслабиться и отвлечься.

Со временем нормализовалась и личная жизнь. К моему удивлению, мимолетное знакомство на сайте знакомств обернулось интересным общением, романом и, как результат, беременностью и новым браком. В итоге через несколько лет, получив майорские погоны, я был уже успокоившимся семьянином, отцом двух мальчиков.

По службе все шло ровно и своим чередом, хотя и без перспектив – нашего перешедшего из СБУ брата особо не жаловали и по должностям не двигали, но с особой охотой отправляли на пенсию, что, кстати, наблюдалось и у армейцев. Ну а потом произошло то самое...

Особо вдаваться подробности не хочу, да и неприятно вспоминать те события. Волчьи законы выживания в нашей организации ни для кого не секрет, вот и я попал под этот каток. Получилось так, что с новым начальником у меня наметился долгий и вялотекущий конфликт по служебной линии. Любые попытки перевестись куда-либо подальше от его не совсем адекватных распоряжений и от моих «веселых» родственников резались начальством – клеймо «предателя» все-таки давало о себе знать.

В один прекрасный день все же произошла стычка – под вечер пьяный начальник внезапно появился на работе и после короткой перепалки набросился с кулаками, сбил на пол и стал бить ногами, сломав несколько ребер. Из последних сил я, просто потерявшийся от боли, сумел воспользоваться травматической «Осой», которая полностью подтвердила репутацию самого эффективного оружия самозащиты. Нападавший, получив тяжелую резиновую пулю в горло, сразу отключился, но мне от этого было не легче.

Потом все было как в тумане от постоянной боли: наручники, крики руководства, какие-то документы, которые подписывал через силу и чувство непонимания и бессилия. В итоге меня и моего оппонента быстро спихнули на пенсию, но помимо всего прочего Военный следственный комитет возбудил дело о применении травматического оружия.

Год следствия, кучи экспертиз, свидетели, которые внезапно меняют показания в пользу моего бывшего начальника, погасшие глаза супруги, которые она все чаще и чаще стала прятать от меня, и все более громкое и даже агрессивное ворчание тещи. И главное – чувство обиды и бессилия от того, что вроде бы как нормальная устоявшаяся жизнь вывернулась наизнанку и превратилась в ад.

Единственное, что помогало как-то жить, это приработок, который давал старый друг – как в молодые года занимался системами безопасности. Монтировал и налаживал системы видеонаблюдения, сигнализации, домофоны, и это как-то помогало отвлечься от неприятностей следствия и приближающегося суда, ну и давало некоторую копеечку, помимо копеечной пенсии.

Потом, фактически через год после происшествия, прошел суд. Насколько посидел и сколько спалил нервов, никто не скажет, но результат был предсказуем с того момента, как стало понятно, что следаки без правил топят, несмотря на УПК, и свидетели меняют показания не в мою пользу. В суде было доказано, что на почве личной неприязни я сначала выстрелил в своего начальника, а уже тот, получив пулю в горло, сумел героически меня обезвредить и

в процессе борьбы сломал ребра, челюсть и нанес сотрясение мозга. Итог: пять лет строгого режима. Жесткий приговор, который разделил мою жизнь на до и после...

Ну что можно сказать о том периоде моей жизни. Тоска от несправедливости системы, злорадия, апатия. Проскакивали даже суицидные мысли.

Апелляция, кассация, конечно, ничего не дали и только вытянули последние деньги и вдребезги разбили последнюю веру в наше российское правосудие. Вариантов бороться и ресурсов уже не было, пришлось смириться.

Отсидев на «ментовской» зоне, как бывший сотрудник, в Ставропольском крае три года, я вышел по УДО уже совершенно другим человеком. Молчаливым, угрюмым, осторожным и стойко обученным никому не доверять. Зона она учит многому, и прежде всего, следить за своим языком и не лезть не в свои дела, а тем более никогда не вписываться в чужие разборки.

Как я и ожидал, на свободе меня никто не ждал. Жена никого себе не нашла, но стала абсолютно чужой. Сыновья сильно повзрослели, но своего отца уже практически не помнили, и главным мужчиной для них стал брат жены. Кстати, он единственный, кто меня нормально принял – в начале двухтысячных, еще при Украине, сам, будучи сотрудником линейного отдела милиции, был осужден по жесткой подставе и так же отсидел три года на «ментовской» зоне, где-то под Черниговом.

Мы с ним долго говорили, и он очень осторожно довел до меня мысль, что у моей супруги, которая с трудом пережила мою посадку, и мальчишек жизнь только-только устоялась и не стоит в нее врываться и все снова баламутить. Я ждал этого, да и брат жены всегда был правильным мужиком и просто так языком не трепал, и если советовал, то только по делу.

Скандалить, куда-то рваться, что-то доказывать, мстить я не стал. Просто кивнул, пожал руку, попросил информировать о детях, особенно если чем-то могу помочь, развернулся и ушел – здесь я уже чужой.

Вот с такими мыслями я вернулся в свою старую квартиру, доставшуюся от бабки, которую, к моему удивлению, никто не забрал, не продал, не отжал. Да, были долги по коммуналке, но не такие страшные.

Потом прошло несколько месяцев адаптации к обычной жизни. Постановка на учет, поиски работы, но тут повезло – старый друг, который до суда давал мне возможность подрабатывать, снова привлек к работе на монтажах, несмотря на мой статус бывшего осужденного.

– Ты об этом меньше людям рассказывай, не давая пищу для лишних нервов, и работай качественно. Кто ты и что ты, я и так знаю. Не думаю, что ТАМ тебя так поломали, что от тебя можно ожидать неприятностей. Просто забудь, постарайся оставить это в прошлом.

Мужик он неплохой, правда, на своей волне, но эта специфика бизнеса в сфере безопасности. С его стороны привлекать к монтажах бывшего зека это по-настоящему ПОСТУПОК, который я никогда не забуду.

Время шло, боль от одиночества и осознание никчемности жизни как-то стали притупляться. Даже участковый, который несколько раз навещался в гости, чтоб проведать УДОшника, успокоился, понимая, что с моей стороны у него не будет головной боли. В работу втянулся и даже стал как-то получать удовольствие. Появились деньги, закрыл долги по коммуналке и даже стал отправлять все еще жене на содержание мальчишек, хотя получил от нее однозначное и категоричное «нет» на встречу с ними.

Единственное, что не давало покоя, это постоянные головные боли, которые стали результатом сотрясения мозга, полученного во время той памятной стычки. Из-за них часто не мог спать по ночам, и красные от недосыпа глаза стали моим почти постоянным украшением. По этой теме даже участковый всполошился и несколько раз посылал меня в наркодиспансер, сдавать анализы на наркотики.

Друг, профессор психиатрии, который, помимо своей основной специальности, был великолепным эрудированным диагностом с просто энциклопедическими знаниями,

несколько раз таскал на МРТ. Но особых причин для беспокойства так и не нашел, и списав все на психосматику, прописал простенькие болеутоляющие, которые хоть немного, но приглушали эту боль, которая стала моей постоянной спутницей, особенно по ночам.

Прошло еще несколько месяцев относительно спокойной и, можно сказать, даже стабильной жизни. Работа была, деньги капали, на себя практически ничего не тратил, большую часть заработка отправлял на карту жене, по-умному подписывая «На содержание детей». Но вот пресловутая неисчезающая головная боль по ночам стала частью моей жизни.

Со временем, приняв болеутоляющие, научился как-то дремать, урывками погружаясь в настоящий сон. В периоды такой полудремы изредка начал слышать странные голоса, которые что-то нашептывали, и вот тут я по-настоящему испугался, решив, что крыша съезжает основательно и бесповоротно, а в моем случае, в статусе бывшего зека это было окончательным приговором.

Естественно, в такой ситуации я побежал снова к другу психиатру, который, будучи помимо остальных своих достоинств, был очень хорошим программистом, и в данный момент сидел дома и писал какую-то навороченную медицинскую программу на Питоне. Последующий разговор меня успокоил и позабавил. Сашка, так звали моего друга, был умудренным жизнью человеком, который в своей области считался очень большим профессионалом, к которому за консультацией обращались даже из Европы и Америки, благо он великолепно владел английским. Выслушав меня, он покивал головой и только с легкой усмешкой спросил:

- Эти голоса предлагают тебе кого-то убить или что-то сделать?
- Да нет, конечно. Просто достали, спать не дают.
- Ну и пошли их. Скоро отстанут...

Ну, вот после этого разговора я и стал посылать. Покопался в интернете, такое иногда бывает после сотрясения мозга, вроде как возможно был задет слуховой нерв и по нему, образно говоря, шли помехи. Звучит смешно, но я для себя это принял как аксиому и стал ко всему этому относиться с некоторым юмором, стараясь не заикливаться на этих проблемах. Как-то, после тяжелого трудового дня и после сытного ужина, умудрился задремать, запустив на экране какой-то слезливый южнокорейский сериал. И вместо обычного посыла подальше странным голосам, я вроде бы как раздраженно им ответил: «Чего вам надо?»

И, о чудо, как-то все сразу изменилось. Голоса разделились и стали слышны более явственно. Один, который я про себя называл старшим, периодически шелестел, невнятно повторяя одну и ту же фразу, причем на русском языке: «Приди... помоги... накажи... Приди... помоги... накажи...» А вот второй, более молодой, был более эмоциональный, пытался что-то объяснить, но я не сильно понимал. Такое чувство, что со мной пытались связаться, но каналы связи были не согласованы и частотные сетки смещены друг относительно друга. Такое издевательство над своим мозгом я долго терпеть не смог и снова проснулся, уже в холодном поту, понимая, что происходит что-то явно ненормальное. Либо пришла серьезная шиза и мне скоро придется надевать свитер с длинными рукавами, которые завязываются на спине, либо со мной действительно пытаются связаться. И, что характерно, я больше склонялся к первому варианту, что как раз и пугало больше всего. Проблему понимал, а вот к другу-психиатру как-то бежать уже не хотелось. Хотя у нас уже давно нет принудительного лечения, только по решению суда для социально опасных элементов, но я все-таки был на УДО, и любой сигнал с этой стороны мог меня запросто вернуть на зону.

Пару дней, точнее ночей, я провел в диком напряжении, ожидая странные голоса, но их не было, что меня несказанно успокоило. Но вот на третью ночь, когда опять пришел с работы уставшим и как-то даже не думал про этих ночных болтунов, получил сюрприз в виде более ясного и качественного обращения. Хорошо, что никто не начал кричать: «Раз, раз, проверка!», это было бы слишком, но на этот раз все было цивилизно и пристойно. Тот же шелестящий голос, но более наполненный силой, в котором уже присутствовали определенные эмо-

циональные краски, медленно и напевно снова раздался у меня в голове: «Услышь, приди, помоги, накажи».

И что самое интересное, ведь так настойчиво твердил. Я по своей старой привычке, наработанной в службе радиоконтроля, сразу стал классифицировать абонента и этому голосу присвоил псевдоним «Шиза-Один». И не выдержав монотонного бормотания, ответил: «Шиза-Один, прием. Слышу нормально. Проверка связи. Даю отсчет. Один, два, три, четыре, как слышите?»

Результатом мой выходки был вскрик: «О, Матерь Божья» и бормотание на время затихло, но включилась сразу «Шиза-Два», которая что-то затараторила, конечно, неразборчиво, но намного лучше, чем в прошлые разы. Уже можно было разобрать некоторые слова и тоже на русском, но с непривычной расстановкой ударений: «Батюшка... оговорили... брат... каторга... царь».

И тут я проснулся в холодном поту. Как-то все это перестало нравиться и пахнет смирительной рубашкой.

Поднявшись с дивана, посмотрел на ярко горящие в темноте цифры электронных часов, показывающих половину пятого утра. Поняв, что заснуть уже не смогу, пошел на кухню заваривать в гейзерной кофеварке кофе, да и нужно было обдумать ситуацию, так сказать, разложить по полочкам и принять решение о дальнейших действиях.

Приняв решение, утром я ни свет ни заря отправился к своему другу-психиатру, попытаться рассмотреть вопрос со стороны стандартной медицины.

Он меня внимательно выслушал, задал несколько вопросов и, сделав паузу, веско отправил меня снова на МРТ.

– Голоса в голове, это галлюцинации и, если ты с ними начинаешь общаться, это уже признаки психоза, но с другой стороны, я не вижу у тебя никаких нарушений когнитивных функций, да и твое критическое отношение к окружающему, а особенно к проблеме, выпадает из картины. Но на фоне твоих головных болей все это выглядит не очень хорошо, поэтому давай сначала посмотрим, что у тебя в голове, сдашь анализы на гормоны, а уж потом будем делать выводы. Надеюсь, ты ни с кем не делился своей проблемой?

– Я что, идиот? С моим УДО могу сразу загреметь далеко и надолго.

– Правильно, и МРТ, если есть финансы, сделай лучше в разных клиниках, так сказать, для гарантированного результата.

Ну и я, конечно, получив достаточно мотивирующую накачку, понесся выполнять поставленную задачу, и ближе к обеду снова был у друга. Анализы крови, конечно, надо было ждать пару дней, а вот МРТ и описание он внимательно изучил и, покачав головой, спокойно и как-то задумчиво проговорил:

– А все нормально. Я никаких проблем не вижу. Ни опухолей, ни сгустков. Ничего. Голова нормального здорового человека твоего возраста. Да и общее состояние как-то не способствует появлению галлюцинаций.

– Саша, и что мне делать?!

– Давай пока понаблюдаемся. Интересно, что тебе будут рассказывать эти голоса и к чему принуждать... – и тон этой фразы, и характерный взгляд профессора не обрадовали.

Ну вот так я и поехал на работу после обеда с расстроенными чувствами – ведь фактически ситуация не прояснилась и уровень самоконтроля нужно увеличивать до запредельной высоты.

Опять прошло пару дней и вроде как все стало нормализовываться, но на третью ночь опять началось представление «Сельский час для полуночников». И что интересно, я не спал, а так, вошел в режим неглубокой полудремы. Да и Шиза-Один теперь говорила достаточно понятно и вполне по делу.

«Ответь, ты нужен».

«Здравствуй, Шиза-Один».

«Что за Шиза-Один?»

«Это я тебя так называю, чтоб не сойти с ума».

«Как будет угодно, это твое право. Но ты нужен и должен помочь».

А вот это меня задело – даже если это мой бред и галлюцинации, то я все равно никому не позволю себя нагибать.

«Я никому ничего не должен. Кому был должен, либо вернул, либо простил. Сейчас я просто человек божий, иду по жизни, никого не трогаю».

Агрессия моего ответа явно озадачила мою галлюцинацию, и она как-то сменила тон.

«Не злись, Ушедший. Действительно нужна помощь, не стала бы тревожить по пустякам. Дело божеское – сироте убогой помочь, справедливость восстановить, наказать извергов-предателей».

Я умудрился даже во сне усмехнуться. Становилось все интереснее и интереснее и как-то точно не вписывалось в мои понятия о бреде.

«Ух, какая Шиза у меня правильная и говорливая. Ну, давай рассказывай, что там у вас случилось и чем зек вам может помочь».

Пауза, и теперь очень осторожно заговорила Шиза-Два, нежным, дрожащим от перепуга голосом явно молоденькой девушки.

«Уважаемый Ушедший, мой отец полковник Арцеулов Аристарх Петрович штаб-офицер Российской Императорской армии был обвинен в предательстве и лишен всех чинов и наград. Не перенес позора, застрелился. Мой брат прапорщик Арцеулов попытался восстановить честное имя отца, но был обвинен в попытке смертоубийства, также лишен всех чинов и сослан на каторгу. Мою матушку от горя хватил удар, и мы практически без средств существования живем в Мценске у родственников матушки, которые не бросили в трудный час. У меня ничего нет, кроме женской добродетели...» – и она замолчала, как я понял, борясь со слезами.

Я выдержал паузу, явственно слушая всхлипы, и наконец-то ответил:

«Так чего ты хочешь от меня?»

«От вас?»

Она на несколько мгновений замолчала и с новой интонацией, в которой уже были слышны сила и жесткость, проговорила:

«Справедливости и кары тем, кто оболгал моего отца и брата, кто виновен в том, что моя матушка не может ходить, говорить и каждый день гаснет от тоски. Кары им, так как я уверена, что это одни и те же люди, не побоявшиеся кары божьей за свои прегрешения».

Я усмехнулся. Как-то все уже странно звучало.

«Хочешь их определить, доказать вину и завалить?» «Завалить?» – не поняла она моего сленга.

«Ну, в смысле ликвидировать, убить...»

Опять пауза, видимо, девушке было трудно это сказать, но прошли мгновения, и она с силой и злостью выдавила из себя:

«Они должны ответить за всё».

Я опять усмехнулся.

«Ну а если это люди, занимающие большие посты? Сфабриковать обвинение в предательстве и отправить на каторгу офицера по подставе, для этого нужны немаленькие связи на высоком уровне».

Опять, несмотря на мой сленг, она меня поняла и уже спокойно ответила:

«Перед судом божьим все равны».

Хм, очень прочная позиция, сбалансированная, мотивированная и как-то уж созвучная моей ситуации. Тут, возможно, у меня крыша едет, и подсознание, настроенное на месть, начинает как-то обыгрывать ситуацию, которую я давно загнал куда-то глубоко, и во что это может

вылиться, даже думать не хочется. Но все-таки решил довести разговор до логического завершения и уже утром однозначно идти к другу-психиатру, сдаваться с повинной.

«Хорошо. Мне для начала нужно кое-какие ответы, чтоб принять решение».

Она слишком поспешно ответила:

«Конечно-конечно».

«Мне необходимо знать, где служил ваш батюшка, когда это все произошло, какой у вас сейчас год, и где вы сейчас проживаете».

«Батюшка служил в штабе 13-го армейского корпуса, и его обвинили в передаче каких-то планов наступления туркам в начале 1878 года. Сейчас конец марта 1881 года и живу я с матушкой в Мценске».

«Хорошо. Пока этого достаточно».

Перед тем как я окончательно проснулся, на мгновение перед глазами промелькнул настолько явственный красочный образ двух женщин, сидящих в полутьме, при свете свечей, одетых в платья позапрошлого века. Все было бы ничего, вот только картинка была очень реалистичная и детализированная, что я не выдержал и затряс головой от возникшего наваждения. Свечи, скатерть на столе, какие-то фарфоровые чашки и чайник на подносе, картины на стене, какой-то шкаф и комод на заднем плане. Все было ну уж очень аутентично и достоверно для обыкновенного бреда и галлюцинаций на почве сотрясения мозга. Да и женщины заслуживали особого внимания – девушка, в простеньком темном платье, закрытом под самое горло, с овальным бледным аристократическим лицом, с тонкими чертами, которые заострились при слабом освещении, была мила, даже заплаканные глаза ее не портили. Она сидела за столом, и фигуру и рост оценить возможности не было, но возраст явно не более двадцати лет, и я вообще не предполагал рассматривать ее как возможную подругу и символ приза. С моим «сорокетом с хвостиком» она годилась мне в дочери, и этим все было сказано. Вторая женщина, так же одетая не простой крестьянкой, выглядела не хуже, хотя возрастом она была, может, чуть старше меня, хотя явно за собой следила. Но вот что интересно, в эти самые мгновения она пристально смотрела мне в глаза, и ее испытующий взгляд явственно отложился в памяти.

И последнее, что я увидел и услышал, это как в ее глазах появился ужас пополам с удивлением и возглас: «Кого я вызвала! Как такое может быть!..»

«Ну-ну, посмотрим», – прокрипев зубами, открыл глаза, а ее вскрик все еще звучал в глазах.

«Пойдем, посмотрим, что мне тут сегодня шиза принесла», – пробормотал про себя и поплелся к компьютеру, в надежде узнать про этого полковника Арцеулова, которого обвинили в предательстве.

Глава 2

Несколько часов копания в интернете не принесли никакой информации, разве что про 13-й армейский корпус кое-что нарыл, но нигде не упоминался штаб-офицер полковник Арцеулов, что и настораживало. Никаких следов, а, значит, все эти разговоры во сне были только моими фантазиями и галлюцинациями. И это для меня было фактически приговором.

Я с трудом дотерпел до обеда, когда у профессора появилось свободная минутка, так как он с утра был занят то с пациентами, то со студентами мединститута.

Он долго меня слушал, задавал четкие вопросы и по мере диалога как-то странно стал на меня поглядывать.

– Ну, Саша, скажи, мне собирать манатки и в дурку ложиться?

Он как всегда по-доброму усмехнулся.

– Не спеши. Конечно, все похоже на галлюцинации, но есть ряд существенных отличий.

– Какие?

– Слишком четко все прописано и, главное, детально. Я ведь тебя не просто так спрашивал про чайный сервиз и орнамент. Ты ни мгновения не задумывался, ясно и без колебаний все описал. Обстановку в комнате, одежду, прически. Не сидел, придумывал, а вспоминал – разницу понимаешь?

– Может, где в фильме видел и проецирую?

– Велика вероятность. Хорошо, ты про этого Арцеулова что-то узнал?

– Полный голяк.

– Предположим, ты не больной, об этом говорит вся моя интуиция, но ее к делу не пришьешь, как у вас там говорят. Если допустить, что был такой человек и его реально подставили и он сам застрелился, возможно, военные того времени решили все по-тихому замять, не оставляя никаких свидетельств. Тогда честью полка или там дивизии очень дорожили. Поэтому велика вероятность, что в интернете про него вообще ничего нет. А по своим каналам пробо-вал?

– Какие каналы? Там я уже чужой, для бывших сослуживцев я фактически на другой стороне. Попить кофе вместе, потрепаться ни о чем, обсудить сплетни о бывших коллегах, которые знают все, и значит, утечки не будет, но ни более того. Многие мне сочувствуют, понимая, что сами могут оказаться в такой ситуации, но присяга есть присяга, да и специфика службы просто обязывает. Никто со мной серьезно разговаривать, тем более искать архивную информацию, которая находится вообще вне зоны функциональных обязанностей – не будет. За такие интересы могут и жестко спросить. Нет, тут нужно по историческим архивам копаться, но у меня ни времени, ни ресурсов.

– Понятно. Но в этом есть один плюс.

– Какой?

– Если про этого человека нигде и никогда не упоминалось, значит, ты не мог его спроецировать со стороны и засунуть в свои фантазии. Тут два варианта. Либо ты его выдумал, либо, если покопаться в архивах и найти его следы, с тобой реально общаются люди из прошлого, и значит, с тобой происходит нечто невообразимое.

– Саша, ты думаешь, это может реально быть какой-то контакт с людьми из прошлого?

Он опять усмехнулся.

– Как говорил товарищ Шерлок Холмс, если отсеять все возможные гипотезы, может оказаться, что реальна самая невозможная. Да и тебя, Женя, я давно знаю, чтоб так просто отправить на койку.

– И что делать??

– Тебе? Работаешь, держишь себя в руках и никуда не лезешь и ни с кем ничего не обсуждаешь. Пропишу тебе снотворное, чтоб по ночам девки с просьбами не тревожили, а сам свяжусь с парочкой знакомых, они на истории России зациклены и имеют доступ в архивы. Может, что и накопают.

– Значит, если Арцеулов реально существовал...

– Не будем загадывать, потому что в случае отрицательного результата разочарование даст еще более тяжелый эффект. И вот тогда тебя точно придется в больничку отправлять.

Ну и вот для меня потянулись напряженные дни, хотя, если честно, то на фоне принятия снотворного я стал высыпаться, да и пресловутая головная боль ушла куда-то на второй план.

Поэтому я днем работал, а вечером перелопачивал интернет на предмет общей истории Российской империи и особенно, что касается Балканской войны 1877–1878 годов. В принципе, оцифровано было много интересного, но и при глубоком копании никаких упоминаний о полковнике Арцеулове не было, что, как ни странно, сильно не расстраивало. Почему-то после того, как я увидел ту картину из прошлого, был уверен в реальности всей этой истории и из всех сил реально собирал информацию для решения той задачи, которую передо мной поставила дочка полковника.

Прошла томительная неделя, и наконец-то вечером в пятницу Саша позвонил на мобильный и предложил заехать вечером к нему в гости на чашку кофе и интересный разговор.

Ближе к вечеру я нашел повод сорваться пораньше с объекта, выкатив клиенту предьяву, что так как нет плана скрытых коммуникаций, боюсь, при проходе стен пробить электро- и водомогастрали, и ответственность за возможные ЧП берет на себя представитель заказчика. Человек, который мог принять волевое решение, главный бигбосс, как я знал, в данный момент выгуливал очередную длинноногую куклу в Таиланде и, конечно, был вне связи. И я после нескольких неудачных попыток разрулить ситуацию, пожал плечами и отправился к другу на серьезный разговор, который обещал быть очень интересным. Ведь, если у меня однозначно галлюцинации и проблемы с головой, Сашка вряд ли пригласил бы к себе домой, у него принцип – пациентов к себе домой на пушечный выстрел не подпускает. А тут в гости, даже на кофе. Сердце в предвкушении чего-то необычного стучало быстро, чуть-чуть не доходя до аритмии. Ну и конечно, новости себя не заставили долго ждать – глаза профессора за очками горели азартом ну уж очень интригующе.

Выполнив положенный ритуал с обсуждением срочных новостей относительно общих знакомых, дегустирования нового рецепта кофе, фанатом которого был профессор и об этом все знали, я все ждал, когда начнется тот особый разговор. А он, гад такой психиатрический, все видел и явно наслаждался моментом – это явно читалось в его хитрых глазах. Я не выдержал:

– Так, доктор Лектор симферопольского разлива, может, хватит тянуть кота за бубенчики и издеваться над больным товарищем. По глазам твоим хитрым вижу, что что-то накопал.

Он ухмыльнулся, сдвинул полупустые чашки с кофе на край столика, освободив место, достал тонкий ноутбук, на котором уже были предусмотрительно открыты документы, и поставил передо мной.

– Я даже не знаю, что думать в такой ситуации. Сам смотри...

Я углубился в чтение, если б можно было довольно заурчать от удовольствия, как кот, то точно бы замурлыкал. Это был какой-то праздник для моей измотанной неизвестностью души. Да, был такой полковник Арцеулов и служил в штабе 13-го армейского корпуса, куда перевелся с повышением из штаба 36-й пехотной дивизии, которая дислоцировалась в Орловской губернии, в которой как раз и находится город Мценск.

Интересно, что информации было не очень-то и много, всего несколько абзацев. Я читал про себя и тут же делал выводы и пытался составить первую аналитику.

Полковник Арцеулов Аристарх Петрович, штаб-офицер, 1832 года рождения. Дворянин. Родился в Херсоне. Поздний и долгожданный ребенок. Отец, потомственный офицер, герой Отечественной войны 1812-го, отметился и на Кавказе, в Венгрии, в Польше, дослужился до полковника инфантерии, но выше не поднялся, не хватило связей, но дал сыну путевку в жизнь. В общем, наш Арцеулов пошел по стопам отца, и, как говорится, вырос в казарме, так как рано остался без матери (умерла через несколько месяцев после родов) и его воспитывали денщики отца. Такие редко предают – для них служение России это смысл жизни.

Юнкерская школа, первое звание, служба, Николаевская академия Генерального штаба, кстати, выпущен по первому разряду, что значит, учился хорошо и был отмечен. До августа 1876 года был начальником штаба 36-й пехотной дивизии, откуда был переведен в штаб 13-го армейского корпуса. Во время проведения предвоенной мобилизации в начале 1877 года прикомандирован к штабу 9-го армейского корпуса. И все, больше никаких подробностей, только стоит дата смерти – октябрь 1877 года. И стоит приписка, что имя полковника Арцеулова не числится ни в списках погибших, ни в списках умерших.

Дальше только состав семьи.

Жена, Арцеулова Маргарита Михайловна, в девичестве Семенова, 1840 года рождения. Умерла в 1881 году.

Сын Арцеулов Антон Аристархович, 1860 года рождения, прапорщик, осужден на десять лет каторги за попытку убийства старшего по званию в 1879 году. Умер предположительно в 1882 году на каторге.

Дочь Арцеулова Екатерина Аристарховна, по мужу Мезенцева, 1863 года рождения. Дата смерти не известна.

И все. Перечитав еще раз полученные материалы, я повернул голову к другу и посмотрел на него.

– Саша, это все, или еще что-то есть?

Он улыбнулся.

– Значит, есть. Давай колись, явно еще что-то накопили.

– Да. Только утром по электронке прислали и очень интересовались, чем же это и кого так судьба полковника Арцеулова заинтересовала.

– Вот как. А скажи-ка мне, могла ли эта информация, что я тебе поведал, дойти до меня по другим каналам. Может, кто эту тему копал и где-то в инете на каком-то ресурсе выложил, которые не индексируются поисковиками?

– В том-то и дело, что нет. Семейой полковника Арцеулова в том контексте, что ты продемонстрировал, никто и никогда не интересовался. Сколько войн прошло, и сколько судеб было поломано, одной больше, одной меньше.

– Значит, с высокой долей вероятности можно сказать, что я нигде и никогда не мог слышать эту историю с теми подробностями?

– Вынужден признать – да. Этот же вопрос был задан моим знакомым, и они точно так ответили. Эти данные никогда не публиковались и не оцифровывались. Но они стали наседать, предположив, что мы где-то наткнулись на неизвестные воспоминания современников, где более подробно были раскрыты обстоятельства смерти полковника Арцеулова.

– Ну, может, так оно и есть. Допустим, я случайно что-то такое видел, но сейчас не помню, а подсознание просто вытаскивает и издевается таким образом.

Сашка усмехнулся.

– Давай не будем множить сущности, если хочешь, найду специалиста по гипнозу...

Я реально испугался – еще не хватало, что у меня в голове будет кто-то копать. Там много чего интересного хранится со службы, за что можно к моему оставшемуся недосиженному сроку легко вдогонку получить десятку за разглашение.

– Вот, понимаешь.

– Хорошо, так что там пришло? Еще что-то нашли?

– Да, более поздние воспоминания генерал-лейтенанта от инфантерии Моровицкого, который так же был в 1877 году действующей армии и учился вместе с Арцеуловым в Николаевской академии Генерального Штаба. Он там вскользь так, осторожно упоминает Арцеулова, в контексте, что тот был незаслуженно обвинен и наказан, и что с его смертью не все так просто.

– Ого. И в каком году он это писал?

– Да почти перед самой смертью в конце девятнадцатого века, уже будучи в отставке, генералом.

– Воспоминания публиковались?

Сашка усмехнулся.

– Тоже нет. Ну а все остальное, если было какое-то дело о шпионаже и предательстве, то это уже нужно в спецхране копать, и за красивые глаза туда никто не полезет.

– Ага. Все, что касается таких вопросов, может быть засекречено и по наше время.

Сделали паузу, пока профессор пошел на кухню заваривать новую порцию кофе, а у меня было время все обдумать. Прошло несколько минут, пока в турке закипал божественный напиток, распространяя по небольшой квартирке друга-психиатра неповторимый запах. Новые чистые чашечки, маленький поднос и мы вновь смакуем чудо, произведенное руками профессора. Он тоже выглядел задумчивым и первым нарушил тишину:

– Давай теперь все систематизируем понятными тебе категориями. Первое – есть канал получения информации. Только что мы определились, что информация имеет высокий уровень достоверности и заслуживает внимания. Но есть определенная, правда, не очень высокая вероятность того, что источник информации – подстава. Как действовать в такой ситуации?

Я усмехнулся, поняв, куда клонит мой собеседник.

– То есть нам нужно провести последний тест, который полностью подтвердит одну из версий.

– Как у вас это делалось?

– Ну, я технарь, и не занимался агентурной работой, но общие принципы знаю. Обычно в условиях намеренно создаваемого дефицита времени дается задание или запрашивается информация, которая может быть достоверно проверена по другим каналам. Несоблюдение сроков, либо качество исполнения, либо невысокая достоверность информации дискредитируют источник, либо наоборот подтверждают его ценность.

– Вот, верно, и в нашей ситуации мы можем...

Я не выдержал и его перебил:

– Мне прекратить жрать снотворное и запросить у моих, так сказать, абонентов информацию, которую в данный момент времени мы никак не сможем получить ни по каким каналам, и подтвердить ее правдивость сможет только твой знакомый историк.

– Он не историк – мой коллега, только помешан на истории офицерства девятнадцатого века, у него кто-то из предков в лейб-гвардии служил. Вот и роется в свободное от психов время, где только можно в поисках подробностей. При этом благодаря связям имеет доступ во множество архивов.

– Вот, то, что нужно. Тогда вопрос должен задать он, а мы его протранслируем, только как лучше все обыграть, чтоб он и тебя не записал к себе в пациенты?

– Вот тут как раз нет ничего сложного. Скажем, что со мной связались потомки Екатерины Арцеуловой, у которых есть ее письма и дневники, и там она завещала, чтоб очистили доброе имя ее отца, вот они и что-то пытаются делать. Но есть сомнения в их достоверности. Пусть он придумает вопрос, вроде «что спросить у потомков такое, что могла знать только дочка полковника Арцеулова, и это нигде и никогда не всплывало в других источниках».

– Как вариант. А ответ?

– А ответ, для чистоты эксперимента, он сообщать нам не будет, а подтвердит его достоверность дистанционно, без сообщения подробностей. Подробности будут потом, когда, так сказать, убедимся, что твой канал получения информации не плод твоих фантазий.

– Согласен, но тогда и меня нужно на время оградить и от интернета, и от других источников получения информации.

– Правильно. Тогда...

– Я закрываюсь дома и отключаю...

– Нет. Так не пойдет. Ты ляжешь ко мне в больницу...

– Чего??

– А ты что хочешь? Подтвердить свою вменяемость или в очередной раз найти поводы для самокопания и нервотрепки и дальше широкими шагами, с песнями и танцами двигаться к психозу? Не беспокойся, тебя никто закрывать не будет. Отдельная палата, только изолированная от внешних раздражителей и источников получения информации.

– А мой инспектор по УДО?

– Я с ним переговорю. Тем более твои головные боли ни для кого не секрет, вот и ляжешь на обследование, а то, что это психиатрическая клиника, то можно объяснить психосоматикой твоей проблемы со здоровьем. Инспектору будет выгоднее, если ты ляжешь, а то подумай, каково ему будет, если у поднадзорного, имеющего спецподготовку, сорвет крышу и он натворит дел.

– Как вариант, а на работе?

– Тут сам выкручивайся, взрослый дядька и я тебе не нянька...

Сашка всегда умел все расставлять по своим местам, и частенько даже бесцеремонно, такова уж специфика работы, поэтому я на него не обиделся и через несколько минут анализа понял всю резонность его предложения.

Через пару дней, когда все формальности были улажены, я лег в больницу. Ближе к вечеру в приемный покой прибежал мой инспектор, убедиться, что я реально в клинике, и чем ему это может грозить. Но профессор ему доступно все объяснил про тяжелое сотрясение мозга, про ничего не показавшие МРТ и про хроническую бессонницу, которая может привести к потере связи с реальностью, а там может начаться и отстрел розовых драконов, учитывая мою бывшую службу.

Полицейский, убедившись в серьезности ситуации и осознав то, что, возможно, избежал больших неприятностей, получив на руки справку, что такой-то проходит лечение там-то, прикрыл свою задницу и, попросив держать его в курсе, быстро отвалил.

Перед сном в палату зашел Саша, чужой и несколько высокомерный в своем белом халате, как это пристало быть ведущему врачу, но это все исчезло, когда мы остались наедине в палате, и за ним закрылась дверь. Он улыбнулся и теперь это снова был все тот же профессор, которого я знал не первый год.

– Ну что, больной, готов к свершениям?

– Пришла почта?

– А как же. Я сегодня все утро на телефоне просидел. У них там, в Питере, что-то вроде своего сообщества, и наша задача засветилась на тематическом закрытом форуме, и, как мне сказал коллега, все будто с ума посходили. Стали копать и дали пару вариантов, и один из них очень даже интересный.

– И?..

– Максим Николаевич сначала даже начал ставить ультиматумы, требуя его связать с потомками Арцеуловых, но когда я объяснил, что там не все так просто, и у меня нет никаких материальных заинтересованностей, вроде подуспокоился и только после обеда прислал самый интересный вопрос.

– И?..

– Обстоятельства женитьбы Арцеулова. Там был какой-то то ли скандал, то ли конфликт. Дуэль точно была, но вот обстоятельства нашли в воспоминаниях одного из современников полковника, причем находящихся в частной коллекции на западе и никогда не публиковавшихся.

– О как. А вот это интересно. Ответ, как мы просили, конечно, не прислали.

– Они бы и так не прислали – сами хотят проверить подлинность источника. Несколько раз обжигались на умниках, которые хотели нагреться на особом интересе любителей старины.

– Ну, тогда в бой. Мне сейчас спать или потерпим до отбоя?

Профессор с жалостью посмотрел на меня, на часы на мобильнике, где пару раз сбрасывал звонки, тем более старшая медсестра уже пару раз стучалась в дверь, вызывая доктора.

– Больной, соблюдайте режим, утром поговорим. Я специально ради вас дежурствами поменялся.

А ухмылка такая хитрющая.

Когда в десять вечера в коридоре выключили свет, я уже был в постели и начал готовиться к сеансу связи, но сон долго не шел, видимо, я слишком был возбужден событиями последних дней. Через полчаса пришел профессор и, помимо моего обычного электронного браслета-пульсометра, на всякий случай подключил ко мне холтер, чтоб еще в таком виде снимать информацию об организме, а потом чуть позже притащил автоматический тонометр, настроенный каждые пять минут снимать показания. Еще злобный доктор пожаловался, что не может снять мозговые ритмы из-за отсутствия соответствующей аппаратуры. После того, как я уже начал звереть и предупредил, что на доплеровский гаишный локатор в зад я не согласен, он усмехнулся и умотал по своим психиатрическим делам.

Только к двум часам ночи на фоне кричащих на все отделение буйных пациентов из других палат, требующих вернуть им космический корабль, мне удалось хоть как-то задремать, и тут же мне привиделись мои собеседницы из прошлого. Где-то на задворках сознания я услышал, как тихонько скрипнула дверь и жалобно застонал раздолбанный стул, на который усаживался наш профессор, настраиваясь на долгое дежурство возле моей кровати.

Видение уже было не отрывочным и больше звуковым, а напоминало качественную видеоконференцию, причем я видел опять обеих женщин. Обстановка, действующие лица были точно такими же, ну разве что подноса с чашками не было, ну и платья были другими, да и в глазах уже читалась надежда пополам с отчаянием. И опять разговор начала та, что постарше.

– Здравствуй, Ушедший. Мы уже боялись, что вы больше не ответите.

– А я боялся, что наши разговоры это бред душевнобольного человека. Надо было у главного шамана племени провериться. Иначе бы грохнули и повесили бы мою тушку в качестве приманки для саблезубых тигров.

И с удовольствием увидел, как у молодой девушки брови полезли вверх от удивления и растерянности, а вот та, что постарше, только улыбнулась, сразу расколов мой солдафонский юмор.

– И что сказал главный шаман? – не удержалась она от иронии.

– Пока в раздумьях. Накатил мухоморов, лупит в бубен и пляшет вокруг костра, спрашивая мнения духов предков.

– И что мы будем делать? – это уже испуганно спросила Катя Арцеулова, боясь, как бы весь разговор не сорвался, и тут же ее знакомая что-то зашипела ей на ухо, и я смог расслышать слово «глумится».

– Давайте для начала, Екатерина Аристарховна, мне нужно просветить один вопрос.

Увидел, как она вскинулась, а вот старшая сразу парировала, показывая незаурядный ум и хорошую память:

– А мы имя племянницы не называли. Как вы узнали?

– А вы думаете, главный шаман зря вокруг костра с бубном бегаёт и настойку мухоморов штофами лакает? Духи предков сообщили, там и не такое знают. И давайте на будущее, помощь нужна вам?

Старшая нехотя кивнула, а вот молодая как болванчик замотала головой в знак согласия.

– Тогда вопросы здесь задаю я.

Опять ироничная ухмылка. А она мне начинает нравиться.

– Хорошо. И что вы хотите узнать?

– Первое. Как я понял, вы, – обращаясь к старшей, – родственница Арцеуловым по линии супруги, Арцеуловой Маргариты Михайловны, в девичестве Семеновой, 1840 года рождения, правильно?

Осознав, что наконец-то пошел серьезный разговор, ирония в ее голосе сразу пропала.

– Да. Она моя кузина. Я урожденная Штейнгольц, и по нашим матерям мы родственники Семеновым.

– Тогда вы должны быть прекрасно осведомлены относительно того, что во время сватания Арцеулова к вашей кухне произошел какой-то неприятный скандал, и результатом была дуэль. Меня интересует время, место и фигуранты. Чем точнее и больше будет информации, тем лучше.

– Вот как, – не сдержала эмоции женщина и задумчиво проговорила: – А ведь он там где-то рядом служил.

Хотя история давняя, но человек-то дрянь. Мог и поквитаться таким вот образом.

Теперь я заинтересовался.

– А теперь давайте поподробнее.

– Хорошо. Это было после Крымской кампании. Мы и Семеновы тогда жили в Орле, где в дворянском собрании Марго и познакомилась с молодыми поручиками Можайского пехотного полка Арцеуловым и Штомпелем. Друзьями они не были, но приятельствовали, так как были молодыми, примерно одного возраста и из одного полка. Они начали соревноваться за внимание Марго Семеновой.

– Она была такой выгодной партией? Большое приданое?

– Не маленькое. Ее отец, статский советник, занимал высокий пост на железной дороге и мог дать протекцию, да и от деда, известного сахарозаводчика, кое-что досталось.

– Значит, для бедных армейских поручиков Марго Семенова была желанным призом.

Она скривилась, ей очень не понравились мои выводы, точнее лаконичная циничная форма их изложения. Сказывалась разница менталитетов и систем ценностей.

– Ну, можно и так сказать. Хотя Марго считалась одной из красивейших девушек Орловской губернии.

– Допустим. Думаю, вокруг было много претендентов на ее руку.

– Да, но выбрала она поручика Арцеулова. Был скандал, но больше всех возмущался его сослуживец поручик Штомпель, он, оказывается, был весь в долгах и хотел решить свои проблемы. Тогда он напился в дворянском собрании и вел себя вызывающе, и Аристарх Петрович, чтобы защитить честь своей невесты, вызвал его на дуэль.

– Штомпеля подстрелили?

– Да, и он, после выздоровления, с позором перевелся на Кавказ.

– В каком году это было?

– Году? Марго тогда было около семнадцати лет. Кажется, в 1857 году, весной, да, в конце апреля.

– Хорошо. Спасибо. Скажите, вы генерал-лейтенанта от инфантерии Моровицкого знаете? По моим данным, он очень лестно отзывался о полковнике Арцеулове и не очень-то верил в его виновность.

Пауза.

– Может быть, полковник Моровицкий? Александр Прокопьевич. Так они с покойным Аристархом Петровичем вместе Николаевскую академию заканчивали и служили вместе. Честный человек, но бывает с начальством не сдержан, поэтому до Санкт-Петербурга его не допускают. И когда он успел стать генералом?

– Станет. На сегодня этого достаточно.

Я быстро скомкал разговор, желая перевести его на другую тему – такой непростительный прокол с моей стороны. Ну, мог же догадаться, что генерала ему дали перед отставкой, а судя по послужному списку, офицер все по войнам и по периферийным воинским соединениям мотался.

– Как, и все? Кстати, как к вам можно обращаться?

Я мгновение задумался.

– Мое имя, фамилия и звание ничего вам не скажут. Для всех зовите меня Шерлок Холмс, а между собой – Катран, был у меня такой позывной.

– Очень приятно. А меня Ксения Витольдовна.

– Ну, вот и познакомились. Давайте пока прервемся – информацию для размышления я получил. Приятно было пообщаться.

И волевым усилием я вышел из импровизированного транса и проснулся, увидев сидящего рядом профессора, который с интересом наблюдал за мной.

* * *

– Тетушка, что скажешь. Я так испугалась, что слова сказать не могла. Этот Ушедший наводит ужас, тем более шаман...

Ксения Витольдовна Троянова, урожденная Штейнгольц, усмехнулась, так по-доброму, с нежностью и некоторой грустью смотря на свою молодую родственницу. Так получилось, что ее единственный сын погиб на Кавказе и теперь всю нерастрченную материнскую нежность она направила на племянницу, которой тяжело пришлось в этой жизни. На них еще лежал уход за кухней, матерью Кати, которую разбил паралич после того, как сына отправили на каторгу.

Как-то давно осознав в себе особые способности, которые передавались по женской линии в их семье, она решила помочь свершить Великое Правосудие. Когда-то ее предки вызывали духов Великих Воинов прошлого, которые и должны были покарать, и, как правило, плата была очень большой. Но сейчас все шло совершенно по-иному, и это ее напугало. Дух Воина, которого она вызывала, оказался совсем и не духом, а реальным живым человеком, только живущим в другом мире. Она посмотрела ему в глаза и почти все поняла: офицер, отверженный, брошенный, но не сломленный и, главное, на нем нет невинной крови, хотя при необходимости он сможет легко и не задумываясь забрать жизнь врага. Как раз то, что нужно. Но после сегодняшнего разговора она была очень озадачена: такое чувство, что сейчас она разговаривала с дознавателем полиции, а не воином, и главное – блеск глаз волкодава, вышедшего на след волка-убийцы, его утробное довольное рычание. Это она почувствовала, и это не то чтобы пугало, но не оставляло равнодушным, хотя вон как Катерина испугалась.

– Катюша, ты так ничего и не поняла?

– Не очень, вы же понимаете, что для меня это все необычно и страшно. Грех какой с духами якшаться.

– Это не дух.

– Как?

– Человек из другого мира, причем умный, обученный, знающий и готовый идти к поставленной цели. И главное...

– Что, тетя?

– В своем мире его ничего не держит. Его там предали и оболгали, как твоего отца. Лучшего мстителя, который беспристрастно во всем разберется, искать не надо. Я чувствую, что Бог на нашей стороне.

– Почему вы так решили, тетя?

– Вопросы. Четкие, конкретные, продуманные, и у него уже есть путь, которым нужно искать. А ведь ты подумай, тот Штомпель-то уже полковник и тоже был на Балканах, где-то при штабе. Вот он как раз и мог твоего батюшку оговорить.

– А Ушедший, шаманы...

– Ты не поняла? Да глумился он, так по-доброму. Там рядом с ним еще кто-то был, тоже непростой и сильный, но добрый, вроде лекарь. Это чувствовалось. А наш дух скорее перед другом красовался.

– И что нам дальше делать?

– Звать каждый вечер и, как будет возможность, просить помощи. Что-то мне говорит, взяли мы с тобой, доченька, большой груз, как-бы не надорваться.

Раздалось легкое жужжание и часы-кукушка начали отбивать время. Хозяйка вздохнула, поднялась и проговорила:

– Пойдем, надо матушку твою обмыть, переодеть и покормить перед сном.

А сама думала: «Он Моровицкого генерал-лейтенантом назвал, хотя тот только-только полковника с трудом получил. Так, получается...» Она не стала даже в голове продолжать пришедшую мысль, потому что от всего открывшегося ей самой становилось не по себе.

* * *

Уже под утро профессор снял с меня холтер и тонометр, тщательно, почти дословно записал полученную информацию и ушел к себе в кабинет, готовить письмо его питерскому знакомому. А я опять позволил себе тяпнуть снотворного и завалился спать.

Сколько проспал, не знаю, но уже был почти вечер, когда ко мне в палату зашел профессор с распечаткой ответа и молча протянул мне.

Я не выдержал и выругался. Питерцы нас немного разыграли. Да, была информация о какой-то дуэли у Арцеулова во время сватовства, но ни даты, ни фигурантов, ни где это произошло, у них не было. Так, ткнули пальцем в небо и все. Но получив от нас сообщение с полной раскладкой, они быстренько подняли личное дело бывшего поручика 141-го Можайского пехотного полка Штомпеля Франца Казимировича и четко подтвердили нашу версию. Я положил лист бумаги на тумбочку, а сам уставился на профессора.

– Ну что, Саша, проверка на дорогах пройдена, и смирительная рубашка пока отменяется?

Он устало кивнул головой, видимо, мыслями был где-то далеко.

– Что-то случилось? – теперь участливо спросил я.

– Ничего особенного. Кроме того, что друг гарантированно слышит голоса из прошлого, которые чуть ли не в гости приглашают, и к нам как снег на голову завтра утром летит Максим Николаевич из Питера, которому срочно зимой захотелось подышать крымским морским воздухом.

– А реально, какого он сюда прется?

– А реально он полез куда-то в спецхран и что-то еще нашел. И, видимо, от нечего делать, решил к нашей проблеме пристегнуться. Это по телефону или по электронке его можно было отшить, а так, когда он начнет по голове ходить, будет трудновато.

– Саша, тебе да по голове? Не смехи мои больничные тапочки. Ты у нас спец по обломам таких вот хитросделанных.

– Да, вот так все непросто становится.

Он сделал паузу и уже чуть другим голосом продолжил:

– А ты представь меня, только увлекающегося не нейронными сетями и системами принятия решений, а историей царской армии. И куда бы ты меня смог послать при условии, что у тебя есть что-то интересное и уникальное?

Я представил себе эту картину и фыркнул.

– Да, дела.

Глава 3

Следующие два дня, несмотря на обстановку, я реально наслаждался отдыхом. Состояние умиротворения и спокойствия, которое наступило после окончательного разрешения ситуации с моими ночными собеседниками, располагало к нормальному сну и отдыху. Только сейчас я понял, как мне этого не хватало: то служил, то судился, то сидел, то страдал от непонимания и одиночества, а сейчас, если честно, у меня появилась ЦЕЛЬ, ради которой снова нужно включить все мои способности и задействовать знания, полученные на службе.

Еще заметил один примечательный момент во всей этой истории, который заставлял меня немного насторожиться. То, что после каждого нового контакта в полусне качество связи становилось все лучше и лучше, это было понятно и примитивно объяснялось с точки зрения простой радиосвязи – улучшалась настройка между абонентами. Но вот то, что я как-то подсознательно начал ощущать какие-то новые данные относительно возможности перехода в прошлое, это заставляло задуматься. Ой серой попахивать-то стало. Хотя плевать, лучше погибнуть в полете, чем подохнуть в загаженной квартире-конуре забытым всеми. В данной ситуации при минимальном количестве реально стратегической информации, единственный путь – это двигаться в рамках полученной задачи. Делать какие-то неожиданные прыжки в сторону будет глупо – я пока вообще ничего не понимаю, что тут за расклады.

На третий день после памятного разговора с женщинами из прошлого я уже реально начал изнывать от безделья. Спас меня мой друг, который как раз с утра, как положено, пришел на работу и после выполнения обязанностей зашел ко мне в палату в сопровождении сухощавого, жилистого мужчины среднего роста, с короткой стрижкой. Дорогой костюм и обувь, очки в роговой оправе и другие недешевые мелочи, подчеркивающие имидж уважаемого человека старшего среднего возраста с претензией на интеллигентность, не могли скрыть военной выправки. Он чуть подхрамывал, и когда повернулся боком, закрывая за собой дверь палаты, я увидел, что у него правая кисть сильно повреждена и характер повреждения явно имеет минновзрывной характер.

На пару мгновений мы встретились взглядами, быстро оценив друг друга. И я сразу насторожился, почувствовав в вошедшем госте некую силу, или даже не силу – энергию. Саша сразу представил вошедшего.

– Жень, знакомься, Максим Николаевич, мой коллега из Питера. Он ОЧЕНЬ настойчиво захотел встретиться с тобой, и я ему не смог отказать, тем более, как мне кажется, его помощь в некоторых вопросах будет весьма полезна в твоей ситуации.

Кто это, я и так представлял – Сашкин знакомый психиатр из Питера, но вот военная выправка и явно боевые ранения выпадали из общей картины, и это немного напрягало. Это не укрылось от гостя, но он по-доброму улыбнулся:

– Здравствуйте, Евгений Владимирович, рад с вами познакомиться, тем более в таких немного необычных обстоятельствах. Давайте так, прежде чем мы начнем говорить на серьезные темы, вы зададите вопросы, которые, по моему разумению, должны вас волновать при знакомстве с серьезным человеком, возможно с будущим соратником.

«О как заговорил. Значит, с профессором они уже перетерли и договорились. Сашка не предаст, но вот ради науки он может пойти на определенные жертвы среди подопытных». Мой собеседник это все чуть ли не сразу прочитал на моем лице и тут же парировал, улыбнувшись, начал меня успокаивать.

– Евгений Владимирович, не беспокойтесь, в данной ситуации я выступаю как заинтересованный консультант, не претендующий ни на какие преференции и прибыли. Мне просто очень интересно и для вас я друг.

Я посмотрел на профессора, и он согласно кивнул. Сашка по жизни всегда хорошо разбирался в людях и его оценки и прогнозы, на моей памяти, редко были ошибочными, а тут вообще случай уникальный, и он вряд ли приблизил бы к нам левого, опасного человека.

– Хорошо. Вы военный?

– А, вас насторожила выправка и ранение?

– Да, явно минно-взрывного характера. Я такое уже видел и ни с чем не спутаю.

– Видели?

– Донбасс 26 мая 2014 года, КамАЗы-длинномеры выходили с донецкого аэропорта, полные бойцов и раненых. Их расстреляли практически в упор из гранатометов. У меня там друг был, выжил, но инвалидом остался на всю жизнь.

Он опустил глаза, видимо вспоминая что-то свое, очень неприятное.

– Понятно. Я военный хирург. На Второй Чеченской...

Он больше распространяться на эту тему не стал, явно неприятно вспоминать.

– Переквалифицировались в психиатры?

– Пришлось.

Мы помолчали, каждый думая о своем, и он снова нарушил молчание:

– Евгений Владимирович, у вас есть еще вопросы?

– Честно сказать – пока нет, ситуация слишком необычная. Думаю, в процессе появятся, и надеюсь на вашу откровенность. Рекомендация моего друга, – я кивнул в сторону профессора, – лучшая рекомендация, тем более в таком вопросе.

– Хорошо, я понимаю ваше состояние, когда в серьезной ситуации появляется новое действующее лицо.

– Вы никак не связаны со структурами госбезопасности?

Он кивнул головой.

– Многие, кто был на Кавказе, в начале двухтысячных прошли через мои руки. Тогда они были лейтенантами-капитанами-майорами, сейчас уже полковники и генералы.

Среди них были не только офицеры и солдаты Министерства обороны, но и других ведомств. Кстати, в вашем вопросе, если хотите, можно попытаться отыграть ситуацию. У меня достаточно обширные связи. Как я понял, вас не совсем справедливо осудили...

Я посмотрел на него, опустил голову и вздохнул. Месяц назад я бы всеми четырьмя лапами ухватился и махал бы хвостиком, а сейчас странным образом совершенно равнодушно относился к этому вопросу. Может быть, как-нибудь потом найду обидчиков и накажу, а сейчас это все было просто неважно.

– Не стоит ворошить старое. Я вон попробовал сунуться и на телевидение, и на горячую линию Следственного комитета в Москве, когда понял, что следаки валят по беспределу. В итоге дали пять лет строгача, причем кулуарно прокурорские пояснили, что если б не дергался, не звонил, не писал, признал вину, то получил бы условку. А так образцово-показательно приземлили в назидание другим. В нашей стране искать правду и справедливость очень опасное и неблагодарное занятие. Тем более сейчас дополнительное внимание как-то будет совершенно лишним.

Он чуть наклонил голову и как бы под другим углом посмотрел на меня, прищурившись, как будто хотел заглянуть глубоко в душу.

– Может, вы и правы, хотя, как мне кажется, в будущем ваша незакрытая судимость может доставить неудобства.

– Даже так? Я уже включен в какие-то грандиозные расклады? Что-то родной конторой запахло.

Он усмехнулся.

– Нет, что вы. Не в этом смысле. Мы с вами, Евгений Владимирович, с моим коллегой и вашим другом, – кивок в сторону профессора, – уже не молодые люди и на жизнь смотрим без розовых очков и уже не склонны к спонтанным решениям.

Он замолчал, давая мне возможность продолжить разговор. Умный и опытный волчара. Продолжим.

– На чем мы прокололись? Чем вызван ваш, так сказать, ажиотажный интерес?

– Вы же знаете, что я увлекаюсь историей, и в нашем кругу немного другие правила общения и передачи информации, которую сумели накопить в архивах.

– И?..

– Если находят что-то новое и интересное или хотят продать раритет, то после подачи информации указывают источник, если он находится где-нибудь в хранилище, или сбрасывают скан-копию источника. Вы же действовали совершенно по-иному – как махровые технари. Вопрос, ответ, уточнение, выдача информации. Если отбросить все условности и предположения, такое чувство, что вы общались с современниками тех событий, а не с потомками и наследниками, у которых остались какие-то письменные свидетельства. Объем, всесторонность и подача информации, такое в комплекте редко получишь. Вот и думайте, что можно было подумать. Тем более Александра я давно знаю, и на спекулянта стариной и тем более на мошенника в области раритетов ну никак не подходит, и вообще он увлекается программированием и к нашим историческим делам не имеет никакого отношения. Значит, информация к нему попала случайно. Ну а дальше уже на уровне интуиции.

«Странно, почему Сашка отмалчивается. Он всегда любит держать ситуацию под контролем. Ну ладно, продолжим...»

– Все равно, никакая интуиция не заставит бросать все и экстренно нестись на другой конец страны. Согласитесь, со стороны это выглядит несколько неестественно, а вы сами только что говорили, что мы люди взрослые, склонные к продуманным решениям. Как-то все не вяжется, и вот как раз такие нюансы и подрывают доверие. Что скажете?

Он пожал плечами и как-то виновато посмотрел на профессора, мол, можно ли говорить, но тот, скривившись, как от незрелого лайма, согласно кивнул.

– Говори, Максим Николаевич, Женя не тот человек, которым можно манипулировать.

– Хорошо...

Я его опередил.

– Был еще случай? – догадался я.

– Да, у моего пациента. Имя, фамилию, звание я пока сообщать не буду.

– Еще одна проверка? – он согласно кивнул головой и продолжил:

– У него были проникающее осколочное ранение грудной клетки и тяжелая контузия.

После того как пришел в себя, мучился, как и вы, головными болями и начал слышать голоса и со временем начал с ними разговаривать. Думали, чистый психоз. Но...

– Полковник Арцеулов?

– Да, именно тогда это имя прозвучало в первый раз. Я уже тогда увлекался историей и разбирался в дворянских родах, и про отца Арцеулова, героя Отечественной войны, слышал, но так, мельком, а про его сына – нет. Таких возможностей, как сейчас, у меня тогда не было, поэтому проверить информацию не смог, но некоторые нюансы говорили о том, что все-таки он реально общался с людьми из прошлого.

– И что было дальше?

– А ничего. Во время одного такого ночного сеанса связи у него случился инсульт. Утром он что-то попытался сказать, но к обеду скончался.

Теперь я более пристально смотрел на Сашку:

– Поэтому ты мне нацепил холтер, контролировал давление и сидел все время рядом? Почему не сказал?

– Ты бы стал нервничать и сам себя довел бы до инсульта без всяких собеседников из прошлого. Напомнить, в каком состоянии ты ходишь последнее время? Хорошо, что хоть под снотворным спать стал нормально.

– Хорошо. Спасибо, Саша.

Повернувшись к гостю, продолжил разговор:

– То есть вы хотите проверить, общались ли женщины с кем-то еще из нашего времени и знают они имя своего собеседника?

– Да, абсолютно верно. Я никому и никогда не сообщал об этих событиях, связанных с голосами в голове моего пациента.

– Хорошо, я вас понял. На следующем сеансе я спрошу...

Тут уже снова вмешался Сашка:

– К следующему сеансу надо подготовиться более тщательно. В свете этих событий нужно максимально подстраховаться и ночью четко контролировать свое состояние. И если возникнут даже предпосылки к инсульту, сразу принимать меры.

– Согласен. Мне мое здоровье тоже не безразлично.

Небольшая пауза на осмысление, и я выдаю вердикт:

– Ну, вот и договорились. А вы, Максим Николаевич, ждете последней проверки и потом или разворачиваетесь, уезжаете, или включаетесь в процесс переговоров с моими новыми знакомыми?

Он только кивнул головой в знак согласия, чуть прикрыв глаза, напомнив мне Йодудею из «Звездных войн».

– Когда будем спрашивать? Сегодня?

– Нет, сегодня ты будешь спать все еще под снотворным. До вечера я просто не успею найти для тебя свободную палату интенсивной терапии и объяснить людям, почему там ночью должен спать мой пациент.

– Может, частную? Я могу договориться, – подал голос гость.

Тут Сашка скривился:

– Не стоит: чужое место, чужое оборудование, чужие люди.

– Ну, вам виднее. Тогда на завтрашнюю ночь готовимся?

И я, и Саша синхронно кивнули головами «да».

– Хорошо. А я попробую подготовить ряд вопросов, на которые смогут ответить женщины из уездного городка из второй половины девятнадцатого века.

Как ни странно, но прошедший разговор меня успокоил: все-таки двое дипломированных и уважаемых психиатров подтвердили, что я реально не псих, и, главное, в данной ситуации я не один на один с возникшей проблемой. Приняв снотворное, с чистой совестью улегся спать, и мысль о возможном инсульте из-за использования нестандартного канала связи ушла на задний план. Как там говорила гражданка Скарлетт О'Хара, «Я об этом подумаю завтра», так же и я.

Утро началось с того, что Сашка меня потянул куда-то в другое отделение, где меня достаточно тщательно обследовали: взяли кровь, послушали, померили давление, сводили на электроэнцефалографию головного мозга, ну и конечно, отправили на МРТ. Судя по всему, мой друг проникся возможностью инсульта и взялся за дело со всей своей неумной энергией, чтобы уберечь меня. Ближе к вечеру, когда все результаты были на руках, придя в палату, профессор с Максимом Николаевичем устроили консилиум и при мне стали обсуждать медицинские показатели, которые, несмотря на мой возраст, не внушали опасений. Мое мнение – устроили тут цирк с лошадьми, чтоб успокоить перед очередным сеансом.

Под вечер меня отвели опять в другое отделение, в палату интенсивной терапии, где мы и разместились на всю ночь. Меня облепили всевозможными датчиками и дали возможность в тишине закрыть глаза и войти в полудрему. Но вот прошла ночь, а никто на связь не вышел,

хотя раньше каждую ночь проходу не давали. Так прошло еще две ночи, пока Сашка торжественно не объявил, что в палату интенсивной терапии нас больше на ночь не пустят.

На третью ночь команда психиатров-экспериментаторов, все еще не успокоившись, затащили меня в какой-то *vip*, который был рядом с этой палатой – даже у Сашки не хватило влияния и знакомств занимать на ночь реанимацию три дня подряд, но по мне так и этого было достаточно.

К моему удивлению, контакт, так как и раньше, был установлен почти сразу, да еще лучше и устойчивее. Я был в полудреме, но какой-то странной, так как слышал на краю сознания, как тихо переговариваются профессор со своим питерским коллегой. Когда картинка нормализовалась и я смог видеть своих инновременных собеседниц, то немного удивился: обе женщины были одеты в черные траурные платья, а у Екатерины были заплаканные глаза и распухший нос, да и ее старшая родственница выглядела расстроенной.

– Здравствуйте, Катран.

– Здравствуйте, Ксения Витольдовна. Здравствуйте, Екатерина Аристарховна. Случилось что-то плохое? Умер кто-то?

Екатерина всхлипнула и закрыла лицо ладонями и ее плечи задрожали в плаче. Понятно.

– Маргарита Михайловна?

Ксения кивнула головой.

– Отмучилась сердечная. Только схоронили.

– Поэтому вы меня не вызывали, – констатировал я причину, – соблезную, Екатерина Аристарховна.

– Спасибо, Катран, – тут же ее голос девушки изменился и стал жестче, – теперь у меня появилась еще одна причина найти и наказать негодяя, который виноват в бедах, постигших нашу семью.

– Думаю, у вас есть право на месть. Крепитесь, смерть матушки это серьезное испытание, но там наверху она скоро встретится с Аристархом Петровичем, здесь ее мучения закончились. Ну а мы здесь, на грешной земле немного поработаем над торжеством справедливости.

– Хорошие слова, – вмешалась в разговор старшая женщина, – извините, Катя намучилась в последние дни и не сможет долго поддерживать связь с вами.

– Я все понимаю и сам не настроен на долгий контакт, есть пара организационных вопросов.

– Спрашивайте, конечно. Тем более в вас видны сильные изменения.

– Даже так? И в чем они заключаются?

– За вами в последнее время стояла тень, добрая, умная, по-своему одинокая, думаю, ваш друг, которому вы доверились, и он волнуется за вас. Но сейчас за вашей спиной появилась еще одна тень...

– Надеюсь, не плохая?

– Не думаю. Но в отличие от вас, на ней есть человеческая кровь, отобранные человеческие жизни, но что странно, спасенных жизней больше, намного больше.

– Да, есть такое, но об этом я пока не готов говорить. Пока не готов. Но как раз по этому поводу есть вопрос.

– Да, конечно, если только один.

– Я ведь не единственный из нашего мира, с кем вы пытались наладить связь?

Ее брови полезли вверх, а глаза сначала стали большими от удивления, а потом прищурились. Она откинулась на спинку стула и сложила руки на груди в классическом защитном жесте.

– Да, была попытка, и странно, что вы о ней спрашиваете.

– Я же говорю, это в данной ситуации вопрос доверия, и насколько вы будете откровенны, зависит очень многое.

Она несколько мгновений думала и ответила:

– Наверно, вы имеете в виду Сережу.

– Сережу?

– Да. Он был вроде поручик, вроде штабс-капитан в вашем мире и воевал на Кавказе. Но мне показалось, что он был немного не в себе и считал наши попытки пообщаться бредом. Но потом он внезапно исчез, и я не могла до него достучаться.

– Сергей. Поручик или штабс-капитан, воевал на Кавказе и был ранен, – произнес вслух, чтобы меня слышал Максим Николаевич, – а еще что-то конкретное он о себе говорил? Фамилия, откуда родом. Потому что, возможно, мы с вами говорим об одном и том же человеке.

А Ксения была очень умной и мудрой женщиной и сразу просчитала ситуацию:

– Это интересуется вторая тень у вас за спиной, для него это очень важно?

– Да, – не стал юлить я, – возможно, это его пациент, которого он лечил во время войны на Кавказе.

– Что ж, я вижу, что вопрос действительно серьезный. Его звали Сергей Скворцов, Сережа, хороший мальчик, только обожженный войной.

– Сергей Скворцов, – опять вслух произнес я, чтобы слышал Максим Николаевич, – это он?

Тот уже был рядом и шепнул мне почти в самое ухо, с каким-то болезненным выдохом: «Да, это он, старший лейтенант Скворцов, мой племянник». А вот тут я чуть не вышел из транса, так как новость была очень важной.

– Даже так?

– Ваш новый друг что-то сказал? – сразу уловила изменения в моих эмоциях собеседница.

– Да, это он.

– С ним что-то случилось? – уже с дрожью в голосе спросила Ксения.

– Он умер. Инсульт. Ну, хватил удар, как у вас говорят, или после или в результате вашего общения. Поэтому за мной сейчас наблюдают два очень искусных лекаря.

Она пискнула, закрыв рот кулаком, и было видно, что она искренне расстроена.

– Как же так, такой молодой и такой веселый, он рассказывал, что у него есть невеста...

– Он был очень тяжело ранен на войне, и была сильная контузия...

И тут же на ухо зашептал Максим Николаевич:

– Она расстроилась и извиняется?

– Да.

– По-настоящему?

– Нет, реально, фальши не чувствуется.

– Хорошо, скажи, что у него была сильная травма головы. В тех условиях мы не смогли бы ему помочь и инсульт, скорее всего, результат ранения.

– Это правда?

– Да. Было расследование и делалось вскрытие. Я сам настоял. Сильное кровоизлияние, результат контузии. К ней нет претензий, просто нужно было узнать причину.

Я осторожно, подбирая слова, успокоил женщину и передал слова бывшего военного хирурга, и тут до меня дошло кое-что.

– Максим Николаевич, значит, датчики ничего не показывают, никаких изменений?

На заднем плане легкий смешок профессора:

– Как будто спит младенец и видит сладкие сны.

– Поэтому вы решили, что от такой связи не могло быть инсульта?

– С большой долей вероятности.

А Ксения смотрела на меня из прошлого и как-то печально улыбнулась, слушая наш разговор.

– Твои друзья за тебя волнуются и боятся, как бы тебя не хватил удар, как Сережу?
– Их можно понять. А Сережа был племянником моего нового друга, поэтому, когда прошла информация о полковнике Арцеулове, мы же наводили справки, то он сразу все понял и прилетел к нам в Крым.

– Крым... Прилетел... – Она ошарашенно смотрела на меня.

– Да, а что вас удивляет?

– Странно все это.

– Ну, для меня тоже, но в данный момент я нахожусь в больнице в городе Симферополь.

– А как ваш друг мог прилететь?

– Ну, у нас есть такой вид транспорта – пассажирские самолеты. Летящие машины, которые за три часа доносят человека из Санкт-Петербурга в Крым. И летают так же регулярно, как у вас ходят паровозы или дилижансы.

Она пару мгновений молчала, а потом спросила:

– А какой год в вашем мире сейчас?

– 2021 от Рождества Христова.

– О боже! – опять вскрикнула она.

Я, несмотря на трагичность момента, усмехнулся в ответ на ее ненаигранное удивление.

– Давайте прервем наше общение на два-три дня. И вам и Екатерине Аристарховне нужно прийти в себя после смерти Маргариты Михайловны.

Она согласно кивнула головой, а молодая Арцеулова практически весь разговор оставалась безучастно молчаливой и только слушала.

Я рывком разорвал контакт и открыл глаза. Несмотря на полутьму, в свете индикаторов диагностических приборов, которые были подключены к моей тушке кучей датчиков, ясно видел обоих докторов, которые с интересом смотрели на мою скромную персону.

– Ну как, Максим Николаевич, проверка на вшивость пройдена?

Он глубоко вздохнул и усталым и надломленным голосом ответил:

– Да я и не сомневался, просто как-то не верилось. Сейчас на повестке дня стоит более насущный вопрос – что делать дальше с этим всем?

– А приборы хоть какие-то отклонения показали?

– Все в пределах нормы.

– Ну и хорошо. Давайте сворачиваться, хочу в свою кровать, думаю, нам всем нужно отдохнуть и осмыслить происшедшее.

– Вы подсознательно узнали что-то новое, – догадался питерский мозгоправ.

– Да вроде начали какие-то мыслишки появляться по поводу каких-то мест силы, через которые при наличии проводника смогу произвести переход к нашим милым собеседникам.

– Ого. После сегодняшнего я уже ничему не удивляюсь...

Тут вмешался Сашка:

– Давайте действительно до завтрашнего вечера сделаем тайм-аут. Я Женю завтра утром выпишу пусть идет домой, копается в интернете, ищет, что ему нужно, ну а вечером все обговорим у меня дома, так сказать в неформальной обстановке.

Возражений не последовало, всем нужно было и отдохнуть, и собраться мыслями, ситуация не просто непростая, а фантастическая.

К обеду меня почти в прямом смысле выпихнули из Сашкиного отделения, и я, сев на маршрутку, полусонный добрался до дома, где забрался на свой старый диван и отдался в объятия Морфея, вообще не забывая голову всякой ерундой типа путешествий во времени. Проснувшись, когда уже на улице начало темнеть, приняв душ, вышел из дома, забрался в маршрутку, усевшись подальше, в глубину и, чуть прикрыв глаза, под монотонное гудение двигателя, стал обдумывать сложившуюся ситуацию.

После последнего, весьма эмоционального сеанса связи в голове вроде как появились новые знания о каких-то местах силы, через которые при определенных условиях можно переходить в другие миры. Кстати, тот же Стоунхендж был построен на одном таком месте, но потом новый народ, предки нынешних упоротых наглов, его осквернили, и место силы потеряло свою энергетику. И вот такой способ внедрения в голову новой информации и ее осознания вызывал вопросы и предполагал вмешательство чего-то намного более мощного, точнее могущественного, нежели мы, простые смертные. Дальше продолжать эту тему как-то не хотелось, а то дойду в своих умозаключениях до Божественного вмешательства. Главное, что я понял, где находится ближайшая точка силы – небольшое горное плато, где расположен легендарный Мангуп-Кале, под Бахчисараем. Теперь понятна вся притягательность того места. Не только географическое положение и великолепное для обороны место, но источник некой энергии, вот что притягивало сюда людей в течение всей известной истории Крыма. Недаром здесь была столица легендарного княжества Феодоро.

Когда я приехал к Сашке, Максим Николаевич уже сидел у него, вольготно расположившись в гостевом кресле, где обычно я усаживался, попивая свежесваренный кофе, божественный запах которого сшибал с ног прямо на входе в квартиру. По моему взгляду он понял, что занял чужое место и, изобразив видимость готовности встать и освободить, с хитрой улыбкой спросил:

– Я занял ваше место? Давайте я пересяду.

Цирк, да и только. Прекрасно, гад, знает, что я не буду его сгонять, но надо ж показать свой культурный уровень. Ну и ладно.

– Не стоит. Вы и так знаете, что не смогу вас согнать с места. Я лучше тут, на диванчике примощусь.

Из кухни вышел Сашка, шлепая задниками тапочек, и, передав мне чашечку кофе, сам сел рядом и, откинувшись на спинку дивана, с интересом оглядел нас.

– Думаю, все отдохнули. Теперь слово Жене, что он скажет. Как я понял, во время сеанса он узнал что-то новое. Вон как глаза светятся от нетерпения все рассказать, – подколот профессор.

Я кивнул головой.

– Да. Станным образом я начал осознать некоторые вещи, о которых раньше и понятия не имел.

– Какие? – подался вперед Максим Николаевич.

– Выполнение миссии обязательно, отказ или провал чреватые для меня серьезными проблемами со здоровьем. Для выполнения миссии возможен переход в тот мир.

– Каким образом?

– Одна из женщин или обе являются так называемыми Проводниками, с помощью которых я могу переместиться к ним. Они служат что-то вроде маяков, по которым идет привязка к определенной точке времени. Перемещение возможно через так называемые «места силы».

– А на той стороне? Где точка выхода?

– Тоже в «месте силы». В каком, я не знаю, это надо будет определять экспериментальным путем.

– На Земле много таких точек?

– Точно не знаю, вроде как много. По идее, выход должен быть максимально близко от точки расположения маяка-проводника, ну а дальше своими ножками. Мне так представляется, а насколько это верно, тут опять покажет практика. В данный момент для меня очень важно, что два дипломированных психиатра не считают меня невменяемым.

Максим Николаевич, внимательно слушавший меня, кивнув в знак согласия, а Сашка чуть усмехнулся, как он это обычно делал, при этом по его довольной физиономии вообще ничего прочесть нельзя было.

– Как происходит наводка на Проводника?

– Пока не знаю. Надо будет этой ночью пообщаться на эту тему.

– А возврат?

– Для возврата, тут я точно уверен, Проводник не нужен. Только заходишь в место силы и представляешь возврат домой – и все. Но не ранее трех дней с момента первого перехода. Там какие-то энергии то ли накапливаются, то ли рассасываются. Скажем так, информации о технологии нет, только примитивная инструкция.

– Ну и этого достаточно. Тогда что будем дальше делать? Кстати, и где ближайшее «место силы»? – тут уже вмешался в разговор Саша, который всегда был человеком действия и легкий на подъем.

– Мангун, там есть точка. А по всему остальному – договариваемся с Ксенией о тренировочных переходах, а тут готовим проверочную экспедицию.

И тут Максим Николаевич задал вопрос, который его, наверно, интересовал не первый день, ради которого он сюда пришел. Ни тон, ни построение фраз его не выдали, но я почему-то понял. Да и в свете светодиодных чуть приглушенных светильников было чуть-чуть, самую малость, заметно, как он напрягся.

– Один, или сможешь кого-то взять с собой?

И я, и профессор смотрели на него с легкой грустью. Это многое объясняло, он был такой же, как и я, обожженный, побитый жизнью и одинокий, и возможно, хотел найти свое истинное место в другом мире.

– Пока не знаю, но скорее всего можно. Надо проверить.

– Тогда как будем готовиться?

– Как к боевому, разведывательному выходу в рамках одиночной миссии. Вышел, огляделся, отметил точку радиомаяком, сделал несколько кругов, организовал базу со всеми возможными средствами охраны и защиты, – заговорил Максим Николаевич, у которого, так или иначе, был некоторый боевой опыт.

– Согласен. Там сейчас вроде как конец марта, начало апреля, вроде снег сошел, но все еще холодно. Вот и будем исходить из этого, и подбирать снаряжение и средства наблюдения...

Мы долго обсуждали все нюансы первого путешествия, обговаривали экипировку, вооружение, количество боеприпасов, тип палатки, спальника, продукты питания и остальные нюансы, которые помогут выжить в незнакомом месте три-четыре дня.

На ночном сеансе связи, Ксения и Екатерина, полностью поддержали мою инициативу попробовать проникнуть в их мир, тем более, как я понял, обе получили подобные информационные пакеты, что и я, так что никаких возражений и непоняток с той стороны не было. Остались организационные вопросы.

Прошло две томительные недели подготовки и сборов. Если экипировка не вызвала особых проблем – в любом магазине туристического и тактического снаряжения можно было закупиться на девяносто процентов, то вот относительно вооружения возникли проблемы. Я был бывшим зеком, освобожденным по УДО, и брать оружие в руки мне было запрещено по закону, поэтому легальные каналы исключались.

Но тут Сашка волевым решением предоставил свой гладкоствольный полуавтомат «Вепрь-12», с которым он занимался практической стрельбой, пока не вышли положенные пять лет и он не взял себе для тренировок тоже «Вепрь», только под малоимпульсный патрон 5.45x39. А гладкоствол просто лежал без дела в сейфе уже пару лет.

Сам был владельцем огнестрельного оружия и знаю, насколько это неприятно отдавать свое, тюнингованное, пристрелянное, доточенное, подогнанное под себя, в чужие руки, поэтому оценил его поступок на все сто процентов.

Вечером мы снова собрались у профессора перед выездом на Мангун. Еще раз тщательно проверили всю экипировку, рюкзак с вещами, палатку, каремат и кучу других важных вещей,

которые должны облегчить мое выживание на той стороне. Около одиннадцати вечера загрузились в Сашкину «Мазду» и выехали в сторону Бахчисарая.

Ехали не быстро, но в дороге молчали, каждому было о чем подумать, да и все было заранее оговорено. В нашей маленькой компании явственно чувствовалось нарастающее напряжение, ведь впереди такой важный шаг, важнейшее событие, которое должно будет перевернуть жизнь каждого.

Два часа ночи. Внизу, возле немаленького озера, где настроили шалманов местные деляги, постепенно все затихло и часть освещения была отключена. Мы осторожно, чтоб не поломать ноги, поднялись по уже знакомой дороге, которой за последние две недели поднимались уже три раза, для точной рекогносцировки места силы.

Точка перехода, или место силы, представляла собой просто площадку, по которой в беспорядке были разбросаны камни, несущие на себе следы работы каменотеса. По рассказу местного экскурсовода здесь когда-то во времена поздней Византии находился православный храм, разрушенный османами, когда в результате полугодовой осады взяли последний узел обороны защитников столичного города княжества Феодоро Дорос, который потом назвали Мангуп.

Накинув лямки рюкзака и застегнув фастексы широкого пояса и стяжку на груди, я закрепил на правом глазу прибор-монокуляр ночного видения, крепящийся на баллистическом шлеме с помощью специального кронштейна. Убедившись, что прибор работает штатно, взял у Сашки его карабин «Вепрь-12», вставил восьмизарядный крупный магазин, снаряженный патронами с картечью, снял с предохранителя и, передернув затвор, загнал патрон в патронник и снова поставил на предохранитель.

– Все, готов.

– Удачи. Ни пуха, ни пера, – ответили два моих соратника и отошли в сторону.

– К черту.

Еще раз осмотревшись по сторонам, я глубоко вдохнул чистый горный воздух, в котором ощущалась влага расположенного недалеко озера, поднял голову и посмотрел на небо. Так простояв несколько минут, наслаждаясь моментом, закрыл глаза и сосредоточился на контакте с женщинами из 1881 года. Несколько секунд на настройку – и явственно увидел их все в той же комнате.

– Я готов.

– Мы тоже готовы.

– Давайте, – я как бы потянулся к ним рукой, да и они потянули ко мне руки навстречу. Вокруг как бы все закружилось, раздалось легкое гудение, немного закружилась голова и картинка в голове пропала, и на меня навалились новые запахи, звуки и ощущения. Я был в совершенно другом месте.

Да здесь тоже была ночь, но существенно холоднее и свежесть крымского горного воздуха сменилась какой-то смесью запахов старого мокрого леса, костра и сладковато-кислой вонью гниющей органики.

Даже не сориентировавшись в пространстве, сразу сделав шаг в сторону, присел, тут же привычным движением снял карабин с предохранителя и приготовился к любым неприятностям, осторожно оглядываясь по сторонам, пытаюсь сориентироваться в зеленом свете картинки, показываемой прибором ночного видения.

Глава 4

К первому выходу в другой мир я готовился очень тщательно, прекрасно понимая, что даже в мелочах нельзя экономить. Новая «горка» лесной расцветки тип «зеленый мох», вместо так любимой в боевиках разгрузки, РПС², которую я всегда предпочитал в дальних переходах, меньше нагрузка на спину и лучше распределяется груз. На лице была камуфлированная балаклава, чтоб не светиться в темноте.

Бронежилет скрытого ношения, весом так килограмма три, способный защитить от холодного и короткоствольного огнестрельного оружия, тоже присутствовал под курткой «горка». Голову защищал стильный баллистический шлем с чехлом под расцветку «горки», с интегрированными тактическими наушниками – личный подарок Максима Николаевича, заявившего, что даже самого крутого стрелка гарантированно выведет из строя удар дубиной по голове. Специальным кевларовым воротником с жесткой пластиковой вставкой защищалось горло на случай встречи с рысью, которая очень любит напасть со спины и полоснуть когтями по незащищенной шее. Хотя и двуногие звери частенько любят и по горлу ножиком чиркнуть, и удавку накинуть. Обязательно крепкая обувь, наколенники и налокотники, на случай если придется скакать и ползать – в таких ситуациях повредить колено или локоть очень легко, зато сразу теряешь подвижность и становишься легкой мишенью.

Ну и куча всяких мелочей, типа газового баллончика, парочки светосумовых и дымовых гранат и аэрозольный пистолет «Добрыня» с пятью зарядами «Черная вдова». По идее, с мелкими неприятностями должно было помочь, ну а в качестве главного калибра и весомого аргумента выступал, конечно, гладкоствольный полуавтоматический карабин «Вепрь-12». Вещь серьезная и убойная на коротких дистанциях, а учитывая скорострельность, то в условиях леса у меня было подавляющее преимущество перед местными, ну, конечно, если их будет немного.

С такими мыслями я перенесся в прошлое и сразу констатировал, что прибор ночного видения не вышел из строя и продолжал исправно работать, в зеленом свете показывая картинку. Меня немного трясло от бурлящего адреналина, и было просто страшно от простого осознания неизвестности. Но с другой стороны, страх – это хорошо. Он заставляет не терять бдительность и постоянно быть настороже. Если ты теряешь страх, то уже сразу можешь записывать себя в потенциальные покойники.

Стараясь не шуметь, сделал пару шагов в сторону, опустившись на одно колено, стал вслушиваться в ночные звуки незнакомого леса и принимать, ведь запах частенько тоже становится демаскирующим фактором. Так, прождав несколько минут, не двигаясь, я осторожно стал крутить головой, осматриваясь вокруг в приборе ночного видения, стараясь запомнить обстановку. Не обнаружив ничего интересного и опасного, я включил тактические наушники, которые усиливали человеческий слух, а при стрельбе защищали его от громких звуков. В моих ушах лес еще больше раскрасился ночными звуками, шуршанием травы и листвы, какими-то далекими попискиваниями живности и ревом явно медведя. Но это так, на пределе слышимости, и пока ничего особо опасного я не видел, единственное, что настораживало, это запах свежего костра и вонь разлагающейся органики.

Осторожно сняв рюкзак и прислонив его к покрытому мхом большому камню, который когда-то имел знакомство с каменотесом, щелкнул незаметным тумблером. На рюкзаке была смонтирована простенькая радиосигнализация на вибродатчике, которая должна будет среагировать, если туда кто-то полезет без моего ведома, и совмещенный с ней радиомаяк однозначно укажет направление, если мою собственность попробуют умыкнуть.

² Разгрузочно-плечевая система.

Еще раз прислушавшись, я небольшими шагами, осторожно ступая по земле, стал обходить по спирали территорию, куда меня выбросило. Естественно, в первую очередь ориентировался на запах костра, который четко выпадал из общей картины. Камеру портативного видеорегистратора, закрепленную на груди, пока включать не стал, и так ничего не видно. Но зато включил инфракрасный фонарь, светящий в невидимом для человека диапазоне, закрепленный сбоку на цевье «Вебря», и теперь мои наблюдения стали более информативными и четкими.

Да, это место чем-то напоминало плато на Мангупе, так же разбросанные камни со следами обработки, следы длительного запустения, ну и, судя по мху и деревьям, это место явно находилось намного севернее, нежели Крым. Общее впечатление – разрушенное капище, кого, чего, непонятно, тут нужно будет заснять все тщательно и потом отдать Максиму Николаевичу, пусть ломает голову, теперь это его обязанность.

Ну а то, что это действующее «место силы», я и так чувствовал, появилась у меня такая способность, поэтому, наверно, тут в свое время и прописались какие-нибудь то ли жрецы, то ли шаманы, потом выясним.

Еще десять минут блужданий и я вышел на небольшую расчищенную площадку, где как раз и воняли остатки небольшого костра, а на большом расчищенном валуне, видимо исполняющем роль жертвенного камня, валялись кости и протухшие куски мяса, по размерам явно принадлежащие каким-то животным. Это меня немного успокоило, еще не хватало нарваться на чудиков, которые людей приносят в жертву.

Недалеко от все еще дымящегося костра лежали какие-то мешки, причем явно недавно принесенные, на них не было ни листвы, ни сора, который обычно наносит природа, значит, где-то рядом гости. Посетовав в душе на отсутствие «тепняка», то есть тепловизора, стал еще внимательнее наблюдать за окрестностями, ожидая неприятных сюрпризов.

Усилители тактических наушников зафиксировали какой-то посторонний шум в стороне, и, поведив головой, так чтобы определить направление, я медленно начал смещаться в другую сторону, чтобы не стать удобной мишенью и дополнительно не подсвечиваться тлеющими углями костра. Вокруг этого капища стеной стояли большущие деревья, которые своей листвой полностью закрывали небо, и здесь сейчас не было никаких дополнительных источников освещения, фактически полная темнота. Я со своим прибором ночного видения и мощным инфракрасным фонарем имел неоспоримое преимущество перед любым противником.

Сместившись в сторону, я замер. В такой ситуации самое глупое это резко дергаться и создавать ненужную суету. Все движения должны быть медленными, плавными, как у удава, который подбирается к своей жертве. Просто у нас так устроено зрение и обработка образов в голове, что в первую очередь реагируем на быстрое перемещение, которое в принципе должно быть потенциально более опасным, а медленные покачивания и смещения могут быть отнесены нашим мозгом к второстепенным объектам, ну вроде как качания дерева на ветру.

В направлении непонятных звуков я рассмотрел что-то вроде изгороди из врытых в землю плоских валунов, видимой высотой около метра и, так же как и все остальные камни здесь, полностью покрытые мхом, что говорило о солидном возрасте постройки.

В небольшой проход, через который проходила натопанная тропинка, я идти не стал и, осторожно перемахнув через импровизированную изгородь, стал заходить к источникам шумов со стороны. Несколько шагов, замирание и так несколько раз, пока в свете тактического инфракрасного фонаря через ПНВ не смог разглядеть два каких-то испуганных тела, которые, прижавшись к большому валуну, крутили головами, явно почувствовав мое приближение.

Я городской житель и, естественно, по лесу бесшумно, как Чингачгук, ходить не могу, тем более тяжелые ботинки на толстой рифленой подошве не располагали к тишине. Поэтому эти два чудика сразу услышали, с какой стороны к ним подхожу, но вот, к моему удивлению, ни попыток напасть, ни тем более убежать с их стороны не было. Обычная поведенческая

схема «бей или беги» как-то не срабатывала, значит, был какой-то фактор, про который я не знал, и это настораживало. Может, им было интересно, хотя по перекошенным от страха явно азиатским лицам с редкой растительностью этого не скажешь. Может, засада, но я столько раз неосторожно появлялся на теоретически простреливаемых участках, что любая засада уже давно бы открыла огонь на поражение, да и ничего интересного вокруг я не видел и не слышал уже на протяжении получаса – времени, что уже нахожусь в этом мире.

Остановившись перед ними на расстоянии пяти-шести метров, ближе не решился, молча стоял пару минут, и когда мое терпение иссякло, недовольно рыкнул, подражая тигру. Эти два типчика явно ждали от меня нечто подобное, поэтому почти синхронно упали на колени и что-то заголосили, лопоча на непонятном для меня языке, причем в их фразах часто слышалось одно слова «бахута», которое, если судить по постановке фраз, было именем собственным и имело какое-то отношение ко мне.

«Вроде нападать не собираются, да и голоса вполне мирно, с уважением», – констатировал про себя, хотя за пару минут эти стенания уже поднадоели. Вроде на кого-то жалуются. Но и они, не увидев никакой реакции, начали сбавлять темп и посматривать друг на друга, и когда в их столах я услышал знакомое словосочетание «хабар требуют», удивился и решил взять ситуацию под свой полный контроль.

– А вы по-русски можете говорить? – спросил их в ответ, специально понизив голос, так сказать, подтверждая имидж какого-то потустороннего существа, и с удовольствием увидел, как они чуть не подпрыгнули от удивления. Старший из них, чуть лучше одетый, заговорил достаточно характерно для восточных народов, коверкая слова:

– Посланник Великого Бахута говорит на языке белых луцэ?

– В том мире, откуда вы меня вызвали, русский язык один из главных. Говорите, чего звали, у меня мало времени. Если по пустяку выдернули, то пожалеете, кара будет очень жестокой.

Немая сцена, а роль демона мне вроде удалась.

– Посланник Великого Бахута плохой луцэ приходи в наш поселок, убивай охотников, забирай к себе наших женщин, отбирай мясо, шкура, есть нечего, дети старики умирай от голода, торговать с хорошим луцэ нечем. Жаловаться большой белый вождь-царь нельзя, побьют. Все копай, требуй солнечный песок, сильно бить. Торука, сын куницы целовать руку плохого луцэ, помогать им. Мы хотим уйти в лес далеко, где нет плохих луцэ, но Торука рассказал плохим луцэ, они сильно бить, закрывать детей, забирать мясо, забирать ножи.

«Ого, я, похоже, тут влип в местные разборки, но то, что они вполне сносно говорят по-русски, уже хорошо, и белый царь тоже хорошо, надо точнее привязаться к местности и времени».

– Род мэнгэ всегда тебе поклонялся и всегда оставлял дары, духи предков всегда нас защищали, но сейчас все отвернулись от нас. Род мэнгэ умрет, если ты не поможешь и спасешь нас от плохих луцэ. Извини за простые дары, это все, что мы смогли найти и укрыть от жадного Торука.

Он замолчал, в почти полной темноте стараясь рассмотреть меня получше, а второй, тот который помоложе, просто опустил голову и трясся от страха.

– Как тебя зовут?

– Манута.

– Ты крещен?

Он нехотя кивнул головой.

– Да, посланник Великого Бахута, но мы чтим духов предков и тех, кто им покровительствует, не забываем и всегда приносим дары.

– Не всегда, – это я уже пошел на принцип, и по его виду было понятно, что я попал в точку. Манута явно лукавит, но так, на мелком, бытовом уровне.

– Виноваты, но мы много голодали, плохие луцэ забирают еду и не всегда есть дары, достойные Великого Бахута.

– Как тебя назвали при крещении?

– Иван.

«Разнообразие просто плещется».

– Хорошо, Иван, мне так будет проще к тебе обращаться, в нашем мире язык, на котором говорили твои предки, почти забыт. Меня ты можешь называть Катран.

В полной темноте он думал, что я не вижу его эмоции, но инфракрасный фонарь на карабине концентрированно светил ему в морду лица, и я мог наблюдать всю гамму эмоций, выражающих его душевное состояние.

– Но наказать плохих людей, которые душат ваш род, дело нужное и одобренное духами предков.

«Что я несу, но с другой стороны, все равно нужно через кого-то инфильтроваться в этот мир, и эти ребята подходят лучше всего для первичной легализации».

– Дождемся рассвета, я подберу себе человеческое тело и соответствующий облик, и мы сможем выполнить задуманное. Ждите здесь до утра и никуда не отходите. Как нужно будет, я сам подойду.

– Да-да, Великий Катран, – проговорил он с дрожью в голосе.

– Просто Катран. Чтоб стать великим, мне еще нужно прожить восемь веков и воспитать свои роды, которые будут мне приносить дары.

И пока была возможность, решил на всякий случай прояснить для себя некоторые вопросы.

– Вы вдвоем сюда пришли?

– Да.

– За вами могут послать погоню?

– Могут.

– Ты в роду глава или шаман?

– Я и глава рода, и шаман. Старого шамана убили плохие луцэ, когда он угрожал им мстью Великого Бахута.

– А как же вы тогда меня смогли вызвать?

– Я с детства учился у него всему, но когда пришли плохие луцэ, они поубивали многих мужчин, сильных охотников и забрали их женщин. Мне пришлось стать главой рода, потому что больше никого достойного не было. Торука сам хотел быть главой и распределять мясо и шкуры, которые приносят охотники, но его высмеяли. И когда пришли плохие луцэ, он стал им помогать, надеясь, что они его назначат главой рода. Когда стало совсем плохо, мы с моим сыном Семеном убежали и попытались осилить Ритуал Вызова.

– Понятно. Типичный захват. Все, что я хотел, услышал. Ждите утра и никуда не уходите.

Не дожидаясь ответа, я так же осторожно развернулся и пошел подальше от этих просителей, на всякий случай обойдя по кругу место силы, чтобы хоть как-то иметь представление об окружающей обстановке и ландшафте, на случай если придется убежать или обороняться. Обычная типовая рекогносцировка.

Вернувшись в развалины и примерно сориентировавшись в общей картине, я, прихватив свой рюкзак, спрятался среди камней, найдя вполне неплохую позицию, откуда просматривались большинство направлений возможного появления незваных гостей.

Положив на землю сидуху из пенополиэтилена камуфлированной раскраски, я наконец-то мог расслабиться и обдумать сложившуюся ситуацию. В приступе вселенской гордыни я даже достал из кармашка рюкзака небольшой, но весьма недешевый термос, куда Сашка еще вечером залил свой фирменный кофе. Не снимая ПНВ, я на ощупь налил в крышечку чашку немного божественного напитка и, наслаждаясь относительной тишиной и умиротво-

рением, предавался мечтаниям и всяким непотребным мыслям относительно «солнечного песка», который тут всех заставляли копать. Ну а если серьезно, то значит, тут рядышком было какое-то золотоносное месторождение, и все сопутствующие этому неприятности с государственным надзором и местной мафией. Этих двух, особенно если они работают в тесной спайке, даже атомной бомбардировкой не пробьешь. Да у меня реально и не было такой сумасшедшей тяги к презренному металлу, из-за которого люди сходят с ума. Но все равно то, что место силы находится в таком районе, в будущем может доставить немерено неприятностей.

Допив кофе, я прислонился спиной к высокому камню, положил карабин на колени и отключил на время ПНВ, от которого уже болели глаза, да и элементы питания надо было экономить на всякий случай – неизвестно, как жизнь повернется. В итоге остались только звуки ночного леса.

Прошло пару часов, так как я до этого, еще в нашем мире, тщательно выспался днем, то вполне спокойно дотерпел до начала рассвета. Да и пара ноотропных таблеток тоже давала дополнительную долю бодрости и выносливости. В густом лесу нет таких романтических вещей, как розовеющий на востоке горизонт, так как его просто не видно, но вот звуки леса резко изменились: заголосили и заволновались птицы, зашумела листва. Несколько минут и все эти изменения стали просто фоном, который человеческий мозг уже воспринимает как нормальное явление.

Подождав еще с полчаса, аккуратно с кронштейна снял ПНВ, с карабина скрутил инфракрасный фонарь и все это спрятал в рюкзак.

Для защиты глаз нацепил желтые стрелковые очки. Привычно накинув рюкзак и застегнув фастексы ремня и стяжки на груди, и в таком виде пошел будить, если они, конечно, спят, двух ночных поклонников Великого Бахута.

Только я забухал тяжелыми берцами по дорожке, ведущей к проходу из капища, как там сразу нарисовались два полубритых азиатских типа с перекошенными от страха лицами. Разглядев идущего им навстречу бравого меня в «горке», шлеме, балаклаве и с всякими интересными подсумками и, главное, с карабином наперевес, они сразу бухнулись на колени и опять что-то залопотали.

– Манута-Иван, ты тратишь мое драгоценное время, хватит стонать и привлекать всяких ненужных здесь духов леса.

Услышав такую отповедь, они сразу замолчали и подняли головы. Теперь я их рассматривал при свете дня – первое впечатление оказалось в принципе правильным. Они принадлежали к какой-то сибирской народности, которых в свое время много ушло под руку Московского царства, а потом Российской империи.

– Мы слушаем твои указания, Великий Катран, – уже на русском и достаточно правильно заговорил этот вождь-шаман, что немного насторожило, ведь до этого он изъяснялся, как типичный чукча из стандартного анекдота. Явно под дурачка косил, а тут одумался. Ну ладно, проверим, главное, чтоб в спину не ударил.

– Словоблудие и лесть, порок людей, нам это не нужно. Лишние слова сотрясают воздух и мешают слышать правду. Думай, смертный, что говоришь и с кем речи ведешь.

Не став слушать ответ, картинно скинул рюкзак, расстегнул клапан и достал основной мощный длинноволновый радиомаяк.

– Семен, так же тебя зовут, – обратился к сыну вождя, и он в ответ испуганно закивал, – это специальный амулет, который скроет это место силы от других духов. Нужно его поднять максимально высоко, спрятать так, чтоб никто не видел и провод растянуть по веткам на всю длину и желательно вверх. Понятно?

Он так же закивал головой.

– Если боишься высоты или не умеешь лазить по деревьям, скажи сразу. Еще не хватало, чтоб упал с дерева, разбился и разбил амулет. Тогда прокляну весь ваш род. Думай, принимай ответственность.

Прониклись, пошептались, но парень быстро скинул верхнюю накидку, напоминающую куртку-анорак, прихватил радиомаяк и полез на дерево, осторожно раздвигая ветки.

Пока он лез все выше и выше, как Айболит на скалы, я старался подсчитать, насколько будет лупить маяк в импульсном режиме. Я его отстроил так, что он раз в минуту подает мощный импульс, который смогу принимать на расстоянии около двадцати-сорока километров в зависимости от высоты дерева и погодных условий. Для этих целей есть специальный многофункциональный приемник, к которому можно прикрепить направленную антенну, и сделать похожим на приемник из игры «Охота на лис». Тем более здесь точно нет никаких служб радиоконтроля и эфир девственно чист, поэтому я могу творить с частотами и мощностями все что угодно, никто не сможет предъявить претензии. Причем на всякий случай проверил эфир все на том же приемнике, просканировав весь доступный диапазон частот, получив в итоге только фоновый и природные шумы, и не более того.

Система радиопозиционирования в импульсном режиме с мощным аккумулятором должна проработать минимум пятнадцать дней, чего мне в принципе должно хватить, поэтому удовлетворенно хмыкнув, получив первые несколько сигналов, я спрятал приемник в подсушок РПС, а рюкзак передал слезшему с дерева сыну местного фюрера, со словами:

– Молодец, не испугался и по веткам скачешь, как белка. Поэтому великая честь тебе: несешь и головой отвечаешь за сохранность. Понятно?

Тот испуганно закивал головой и при моей помощи кое-как нацепил на себя рюкзак, склонившись под его тяжестью. Особенно бросалась в глаза наша разница в росте: при моих метр восемьдесят три он, с их максимальным метр шестьдесят пять, выглядели не то чтобы карликами, но так, не впечатляюще. Видимо, сказывалось постоянное многолетнее недоедание, и они это увидели, поняли и прониклись, только подтвердив мое первенство.

– Иван, идешь впереди, показываешь дорогу. Идем так, чтоб не наткнуться на возможное преследование, которое плохие луцэ в сопровождении вашего доморощенного полицая Торуки могут послать за вами.

– Понял, Катран.

Учитывая общую обстановку, патрон и так был у меня в патроннике, а карабин на предохранителе, но на всякий случай я включил коллиматорный прицел на минимальную яркость для продления службы батареек.

Прошло три часа нашего путешествия. Мы медленно шли через обычный хвойный лес, основательно заваленный старыми стволами, что говорили о том, что людей, которые вычищают валежник на дрова, здесь поблизости нет. Периодически попадались и различные листовые породы. Иван шел впереди на расстоянии пяти шагов, больше он вперед не вырывался, хотя в этом времени ни мин нажимного действия, ни растяжек пока не ожидалось, поэтому особой нужды соблюдать большую дистанцию не было. Видно было, что он немного опасается, поэтому держит наготове небольшой лесной лук и три стрелы с какими-то примитивными металлическими наконечниками. Вроде как такие называются охотничьи и в бою от них не так много пользы. Хотя в лесу-то разное бывает.

Сзади слышалось сипенье уже основательно уставшего Семена, все-таки рюкзак был не легкий, да при его весе и хроническом недоедании был реально непосильной ношей, но он пер из последних сил, чем вызывал у меня неподдельное уважение. Тем более время приближалось к полудню, и необходимо было сделать привал.

– Иван, – тихо обратился я к вождю, лес не любит громких разговоров, далеко слышно. Он сразу обернулся.

– Слушаю, Катран.

– Семен устал. Как я понял, вы давно не ели. Найди место для привала с чистой водой.
Он кивнул.

– Недалеко есть поляна, там рядом чистый ручей.

– Далеко?

– Мало-мало.

– Семен выдержит?

Тот быстро стрельнул глазками мне за спину на сына, который остановился и прижался спиной к дереву, отдыхая и тяжело дыша.

– Да, выдержит.

– Ну, тебе виднее, твой сын. Хорошо, веди.

Десять минут неторопливого ход, а и мы подходим реально к просторной, ярко освещенной поляне, где-то метров пятнадцать-двадцать в поперечнике, и даже слышится доброе журчание ручейка и чувствуется характерная прохлада, свойственная близкому источнику воды.

Подходим к кромке поляны и тут на другой стороне среди небольших кустов видим силуэты людей, замерших в таком же удивлении.

Иван, идущий чуть впереди, вскрикнул:

– Торука! – и тут же почти не целясь, пустил стрелу и ловко упал на землю, увернувшись от аналогичного ответа своего оппонента.

Я не успел среагировать и уже начал падать на колени, как что-то ощутимо меня пнуло в грудь, но боли не было, только чуть откинуло назад, по силе как машина при резком торможении. Уже упав на землю и откатившись в сторону, услышал характерное «Пшшш... Бум!» и над головой что-то пролетело, тяжелое и медленное. Мозг сам по себе отметил, что явно стреляли из чего-то старинного, вроде как кремневое ружья, оно так шипит, когда порох горит на запальной полке, и потом хлопок слабого дымного пороха. Ну, точно, вон над кустами поднимается грязно-белое пороховое облако.

Я еще раз откатился как раз в сторону дерева, когда над моей головой вжикнула еще одна стрела и из кустов снова раздалось характерное «Пшшш... Бум!» и тут же шлепок – попадания пули в ствол дерева. Ну а затем начался цирк с лошадьми.

Я как раз снял карабин с предохранителя, когда три бородатых идиота с криками понеслись в мою сторону, размахивая ударно-дробящим оружием, это если юридическим языком, а так – с дубинами наперевес. Не поверив в такой вариант, уже став на колени и прижав карабин к плечу, выглянул, как на тренировке, из-за препятствия на полкорпуса и...

«Бум! Бум! Бум!» Они меня так разозлили, что уже включились рефлекс, и я в лучших традициях практической стрельбы сделал классический «Билл Дрил» по групповой цели. Картечь, двенадцатый калибр, полная навеска на расстоянии десять метров никому шансов не оставляет. Три истерзанных тела просто легли на поляну, даже не пикнув, и их рев мгновенно замолк.

Кустики были так себе, и через них были видны два силуэта, которые занимались характерным и не совсем приятным для меня делом – перезаряжали древние дульнозарядные ружья, привычно дергая шомполами, утрамбовывая заряды.

«Бум! Бум! Бум! Бум! Бум!» – пять выстрелов веером по кустам, сброс магазина, вставил новый, перезарядка. «Бум!» – по кустам, вроде какое-то шевеление. Смена позиции, не вправо, как обычно бегут неподготовленные стрелки и где их обычно ждут, а влево, при этом как на тренировках, ствол оружия был направлен в сторону противника. Перебежал к соседнему дереву, встал на колени и, опять жестко прижав приклад к плечу, чуть выглянул из-за дерева, через коллиматор рассматривая позицию противника. Вжик! Стрела скользнула по шлему и ушла куда-то в сторону.

«Бум!» – в сторону стрелка, который тоже по-умному спрятался за дерево, ствол которого сразу искромсало моей картечью. И этот дурак тут же выглянул на полкорпуса, натягивая лук

и целясь в меня – наверно, тут привыкли, что все огнестрельное стреляет по одному разу, и уже выработались кое-какие схемы поведения против стрелка с огнестрельным оружием.

«Бум!» Я стрелял как бы снизу вверх, и сноп картечи ему угодил в верхнюю часть туловища, с кровавыми брызгами разворотив грудь, разнеся череп и снова искромсав дерево, за которым он прятался. Лучник без звука завалился назад.

Ни о чем не думая, реально ощутив азарт боя, сразу побежал к следующему дереву, снова меняя позицию, для приличия пальнув на ходу опять по кустам, на случай если там кто-то живой остался.

Спрятавшись за деревом, замер на несколько мгновений, переводя дух и вслушиваясь в звуки леса. Птиц не было слышно, выстрелы многих перепугали, и они либо улетели, либо затихли, а все остальное в виде шума ветра в кронах деревьев, журчание ручейка – остались, но не более того.

В такой ситуации, как сейчас, лишние телодвижения могут стать фатальными: все попрятались, сидят, ждут, у кого первого сдадут нервы. Прошло еще несколько минут, как с той стороны раздался уже знакомый голос:

– Великий Катран, не стреляй, здесь все убиты, – а в голосе уже чувствуется такое конкретное уважение и даже страх.

В бою, да и на войне, беспечные и доверчивые долго не живут, поэтому с радостью ломиться и рассматривать поверженных врагов я не стал. Короткими перебежками от дерева к дереву, забирая в сторону, перепрыгнув через ручей, почти обошел с фланга импровизированную позицию противника. Вроде неприятных сюрпризов не было. Вон и Иван стоит над телами врагов и что-то с интересом рассматривает. Услышав мое топанье, он отошел в сторону и благоговейно показал на четыре тела, лежащие среди кустов.

Еще раз осмотревшись, я уже более спокойно подошел к нему. Картина, мягко говоря, нерадостная. Картечь и здесь натворила дел: когда я стрелял веером по кустам, как раз на уровне пояса, двое стояли и заряжали ружья, а вот еще двое присели, спрятавшись. Естественно, кустики никакой защиты им не обеспечили, и все четверо легли вполне надежно и качественно – в патроне двенадцатого калибра около десятка восьмимиллиметровых картечин, каждая из которых при выстреле имеет энергетику, сходную с пулей пистолета Макарова. Поэтому пять выстрелов это все равно, что из пистолета-пулемета непрерывно выпустить пару магазинов по кустам.

Я остановился и смотрел на дело рук своих, и что странно – никаких особых эмоций не испытывал, хотя это были первые «двухсотые» в моей жизни, которых я сам сработал. Абсолютно никаких эмоций: они стреляли, я стрелял и все. Я попал, они промахнулись, такова жизнь, такова логика и правда боя насмерть. Либо они, либо я.

По фенотипу – все вроде как славяне. Одеты бедненько, какие-то тулупы, штаны из грубой ткани, обувь непонятная, нечесанные бороды, в общем, типичный вид лесных разбойников этого времени. Хотя вот один чернявый явно имел восточные корни, и чуть лучше одет, и вроде даже пару дней назад брился, судя по щетине. Умер, получив две картечины в голову и одну в грудь, намертво зажав в руке большущий револьвер, так и не сделав ни одного выстрела. А вот это хорошо, заберу трофей себе, подарю Максиму Николаевичу, он вроде как любитель таких раритетов.

– Это они, плохие луцэ? – спросил у стоящего рядом Ивана.

– Да, Великий Катран. Это помощник главного плохого луцэ, его все звали Бродень.

– Все остальные тоже из их банды?

Он только кивнул головой.

– А тот? Торука? – я кивнул в сторону дерева, у которого лежал тот стрелок из лука, который меня чуть не завалил.

– Турин, брат Торка, хороший охотник, плохой, глупый человек.

- А Торка твой что, убежал?
- Убежал, – обреченно вздохнул вождь.
- Догнать?

– Не получится. Торка хороший молодой охотник, я старый, не догоню. Семен молодой, не глупый, но устал, не догонит, может погибнуть. Торка любит ставить ловушки.

Я не ответил, повернулся и пошел к тем трем, что завалил в самом начале боя, которые вроде как пошли в атаку. Картина фактически та же самая, только повреждения более серьезные, с такого расстояния каждому почти полностью досталось по полному заряду картечи. Больше ничего интересного не увидев, прошел дальше и подобрал сброшенный во время перезарядки магазин. Особо не торопясь, отошел чуть в сторону, поставил карабин на предохранитель, повесил на плечо и стал набивать магазин, доставая патроны из подсумка-мародерки, закрепленного в районе поясницы на широком поясе РПСки.

Иван с Семеном вполне деловито обыскивали трупы, отдельно откладывая все, что может иметь какую-то ценность для лесных жителей. Я как раз только вспомнил, что надо разобраться с тем, что мне прилетело в грудь в самом начале боя, тем более в «горке» на груди образовалась неприятная дырочка. Подходя к тому месту, где все произошло, немного покрутив головой, с трудом рассмотрел в траве охотничью стрелу. Подняв ее, с живым интересом осмотрел металлический наконечник, который явно затупился при встрече с моим бронежилетом, примерно представляя, что было бы со мной, если б не предусмотрительно надеты средства защиты. Обычно в рейды броню никто не берет – лишний вес, тут главное быстрота и мобильность, но сейчас другой случай.

За этим занятием меня и застал подошедший Иван, который молча наблюдал за мной, ожидая, когда мне надоест рассматривание простой охотничьей стрелы. Я повернулся к нему:

- Ну что?

Он кивнул головой в сторону небольшой горки всякой мелочи. Я подошел, присел на корточки и стал рассматривать. Кремневые ружья были изношены и зачуханы так, что их даже в руки было противно брать. Все остальное – ножи, какая-то другая мелочь, то же самое, не интересно, а вот револьвер я себе забрал. Классный раритет: «Смит-Вессон» 1871 года, с длинным стволом и сам тяжелый, чуть ли не под полтора килограмма. Тут же на шкуре отдельно лежали с десятков патронов к нему.

Когда я поднимался, краем глаза заметил одобрителный взгляд вождя, явно ведь сразу все просчитал и подsunул пистолет. Ему-то он не нужен – вещь дорогая, офицерская и в лесу абсолютно не нужная. Точно где-то на грабеже захватили, если попробует просто продать, могут и вопросы задать, где взял, и при определенных обстоятельствах пришить «висяки». Повернув к нему голову и взглянув прямо ему в глаза, проговорил:

- Забирай все остальное. Ты ведь так хотел?

Его лицо заметно побледнело.

- Не хитри, вождь умирающего рода. Обманул в мелочи, предашь в большом.

Он упал на колени и опять что-то залопотал на своем языке. Я не стал что-либо выяснять и обговаривать, просто развернулся и пошел к ручью, где Семен, преданно глядя на меня, сторожил рюкзак.

Револьвер положил в один из клапанов, патроны ссыпал в небольшой целлофановый пакет, которых на всякий случай много взял с собой и положил отдельно, прижав, чтоб не гремели во время марша. Достал и быстро собрал легкую титановую разборную печку-щепочницу, заложил ее мелким валежником и аккуратно поджег зажигалкой кусочек сухой коры. Естественно, нормально не разгорелось, была ранняя весна и все вокруг, особенно валежник, еще не подсохли. Но у меня была специальная приставка к этой чудо-печке в виде небольшой трубки, куда был вставлен небольшой электровентилятор на батарейках, который, тихо загудев, быстро раздул огонь.

Через несколько минут на жарком огне, быстро съедающем дрова, которые с интересом нарезал и подкладывал Семен, закипела вода, и я с видом волшебника закинул в нее сублимированную кашу с мясом быстрого приготовления. Отдав ложку Ивану, я отодвинулся, буркнув: «Помешивай, чтоб не сгорело».

Еще пару минут готовки, и над поляной уже стоял умопомрачительный запах, от которого началось активное слюноотделение.

Отключив вентилятор, я отсыпал в крышку котелка свою порцию, прихватив металлическую ложку из туристического набора, и все остальное оставил своим двоим знакомым, которые на все это смотрели, широко раскрыв глаза. Переносная легкая печка, которая быстро и жарко горит, вкусно пахнущая еда – все это выпадало из общей картины и, конечно, произвело особое впечатление. Не обращая внимания на зрителей, я достал три пачки галет из армейского сухого пайка, показал своим примером, вскрыв одну, остальные две передав своим спутникам, с аппетитом принялся трескать вкусную и наваристую кашу. Тем более после марша и боя у меня на почве новых впечатлений разыгрался дикий аппетит, от которого даже начал побаливать желудок.

Иван с сыном долго не тушевались и, достав деревянные ложки, принялись черпать из котелка вкусное варево, заедая его галетами, периодически переглядываясь и удивленно и даже восхищенно посматривая на меня.

Когда котелок и крышка были чисты от пищи, Семен быстро и тщательно их промыл в ручье, после чего я достал маленькую бутылочку с моющим средством, сняв тактические перчатки, сам все перемыл заново, вызвав недоуменные взгляды моих спутников, набрал снова воды в котелок, подбросив дров, снова включил вентилятор и поставил кипятиться воду для чая.

Несколько минут ожидания, и когда в котелке забулькало, я его осторожно снял с огня, бросил в него пару пакетиков чая, которые быстро окрасили воду в характерный цвет...

Мы шли уже третий час, осторожно пробираясь к деревне моих новых знакомых. По мере того как мы приближались к конечной точке пути, чувствовалось, как в них нарастает напряжение. Я прекрасно понимал моих спутников, что нас там ожидает – можно только гадать.

Мы остановились на привал, но не в хорошем месте, где можно нормально посидеть под солнышком, а в овраге, почти полностью закрытым разросшейся растительностью. Осторожно положив рядом мой рюкзак, Семен посмотрел вопросительно на меня и на отца. Иван вопросительно уставился на меня:

- Сходит, посмотрит.
- Давай. Только осторожнее.

Кивнув, молодой охотник, прихватив лук и небольшой колчан из шкуры с пятком стрел, бесшумно скрылся в листве густого кустарника, надежно прикрывающего нас от любого внешнего наблюдения.

Глава 5

Прошло пять минут с момента, как Семен ушел на разведку, а я решил подстраховаться, исходя из своей природной философии, приобретенной на зоне, что никому нельзя доверять.

– Сколько ему идти по деревни?

Иван, знакомый с концепцией часов и минут, задумался.

– Не больше часа.

– Хорошо, уходим, – тихо проговорил, обращаясь к нервничающему Ивану. Он аж подпрыгнул.

– Зачем, Великий Катран?

– Если место знаешь ты, значит, знает и Торука. За Семеном могут проследить, могут захватить и заставить сюда привести врагов. Мы уйдем, будем ждать и наблюдать поблизости.

Пару мгновений он обдумывал мои слова. До него дошел смысл моих выкладок, и как болванчик закивал головой в знак согласия.

Мы также почти бесшумно выбрались из нашего убежища, отошли метров на сто и примостились на небольшом холмике, откуда прекрасно просматривались подходы к оврагу. Правда и нас было хорошо видно, поэтому тут уже я занялся маскировкой – лишние предосторожности никогда не помешают.

Отошел чуть в сторону от вершины, с помощью небольшой складной лопатки аккуратно сдвинул листву, потом более основательно расчистил место, закидывая отходы на тут же расстеленный тент. Потом это все относилось далеко в сторону и высыпалось в кусты. Когда лежка для двух человек была готова, расстелил каремат, натянул тент на коротких столбиках и потом все сверху аккуратно замаскировали листьями. Причем все это делал Иван, сразу понявший мою задумку и творчески подошедший к процессу. Естественно, был подготовлен путь отхода, и в случае неприятностей мы могли незаметно отойти назад и уйти кустами в сторону места силы.

В итоге через час мы уже лежали в импровизированном убежище, с которого неплохо просматривались подходы к овражку. Ради интереса я сам спустился вниз и критически осмотрел место лежки, но все было сделано очень качественно. Единственная проблема, что в случае атаки сбоку или сзади, с моим «Вепрем» трудно будет крутиться, поэтому я не нашел ничего лучшего, чем достал из рюкзака трофейный «Смит-Вессон» с патронами и стал его изучать. Как раз и время убить можно. Интересно ведь, такой раритет, и, в принципе, достаточно смертоносный, да, стреляет дымным порохом, но калибр не маленький и останавливающее действие вполне на уровне. Для боя на коротких дистанциях, в моих условиях, как резервный ствол в первом приближении подойдет. Хотя вес и размер этой дуры, конечно, впечатляет, чем-то напоминает обрез охотничьей «двухстволки».

Наигравшись с револьвером, я перевернулся на спину и закрыл глаза и начал немного подремывать, при этом тщательно вслушиваясь в звуки леса. Рядом лежал Иван, так же слушал, как и я, но при этом, жучара, пытался мне канифолировать мозги.

– Великий Катран, можно я спрошу?

Я открыл один глаз.

– Ну?

– Ты дух воина, но как живой человек. Ешь, спишь, устаешь, можешь пораниться. Как такое может быть? – О как, прощупывает почву, а можно ли меня грохнуть.

– А ты думал, я тут бестелесным ветерком ваши проблемы решать, или прийти в ваш мир волком, медведем или, допустим, огненным шаром? Дела людей решают люди. Подыскал себе подходящее тело и в ваш мир. Давно так не развлекался. А ты чего интересуешься, можно ли меня убить? Тебе оно зачем? Сами же позвали.

– Нет-нет, что ты. Ты и так сделал много, просто боюсь, что вдруг убьют твоё тело, и как быстро ты себе найдёшь новое и снова придёшь в наш мир?

Я честно обалдел от такого хитромудрого подхода.

– Нет. Если тело убьют, я не вернусь. Накажут и отправят в другие миры, а сюда пришлют других духов, более сильных. Есть у нас такие «Буратино» и «Солнцепек». Эти обычно вообще не разговаривают. Сожгут тут все в отместку, не разбираясь, кто прав, а кто виноват. Недавно в другом мире бармалеев жгли, так там до сих пор горячая выжженная пустыня. А могут прислать и «Точку-У», эта вообще по небу летает...

«Боже, что за хрень я несусь...»

Иван, слушавший меня, чувствовал, что я вроде не вру, но есть подвох, и ему как-то дальше выяснять не захотелось.

– Так ты, Великий Катран, слабый дух?

Я хмыкнул.

– А тебя что не устраивает? Что заказывал, то и получил. Посмотрим, что потом боги с тебя в качестве платы потребуют. Мне то что – выполнил заявку, плохих луцэ пострелял и обратно. А вы тут потом будете общаться уже с другими духами, которые по оплате будут решать. Мы их топменеджерами называем.

Я уже про себя ухмылялся.

«А вот не надо было считать себя умнее паровоза и канифолить мне мозги всякой дурью».

Я открыл глаза и повернул голову к своему хитрому собеседнику и натолкнулся на отчаянный взгляд. Он почти шепотом, с надрывом спросил:

– А что могут захотеть эти ваши тупмунуджуры?

Я его решил успокоить.

– Ну, если мы все сделаем правильно, и я, выполнив задание, вернусь в свой мир, то ничего особенного. Ну, пять поколений послужите хранителями «места силы». Ну, будете помогать духам, которые в вашем мире наказывают плохих луцэ, или ты думаешь, что вас тут одних угнетают.

Он заметно успокоился.

– А если мы будем хранителями, то нас будут защищать?

– Не знаю. Это надо будет у духов «генсеков» спросить. Они такими делами ведают, хотя, думаю, в этом нет ничего сложного. Тем более, если все получится, могут меня назначить дежурным хранителем, и я часто буду через это место силы приходить.

Мой собеседник согласно кивнул головой и, обалдев от всего услышанного, замолчал, пытаясь осмыслить всю ту ересь, что я ему надул в уши. А что он думал, обычная операция прикрытия и вполне сносное легендирование. А если выгорит все, то у меня будет прикормленная точка перехода и всегда готовые помочь проводники, что очень важно. Как подумаю, что в одиночку придется разгуливать по тайге на большие дистанции с тяжелым рюкзаком, так совсем становится неприятно, особенно для абсолютно городского жителя. А я местным в качестве благодарности тут всякой хозяйственной всячины притащу, кастрюли там, казаны и так далее. Для нас копейки, а у них тут ценится очень даже. У меня просто в жизни есть один важный принцип: «На халяву можно что-то получить один раз, в следующий раз оно будет уже по двойной цене, в лучшем случае».

С такими мыслями я задремал, ничуть не беспокоясь, что меня сольют и предадут.

– Катран! Великий Катран, просыпайтесь, они пришли, – осторожно шептал на ухо Иван.

Я не стал дергаться и вскакивать. Открыл глаза, осторожно перевернувшись на живот, посмотрел через небольшую щель между тентом и импровизированным бруствером, замаскированным листвой. Несколько мгновений, и я усмехнулся, похвалив себя в душе за предусмотрительность: к нашему прошлому убежищу цепочкой шли пять человек. Причем возглавлял эту группу Семен, и что самое главное, я не видел на нем никаких следов принуждения, и

главное – он был вооружен все тем же луком и на поясе висел охотничий нож в простеньких деревянных ножнах. Да и идущие за ним были явно охотники и так же вооружены луками и короткими ножами. Судя по поведению, настроены они все весьма серьезно.

Я подтянул карабин, готовясь стрелять, включил на коллиматоре подсветку, но с предохранителя не снимал – щелчок меня может выдать. Повернул голову к Ивану, который с болью в глазах смотрел на подходящих охотников.

– Это все твои люди? – тихо прошептал я.

Он потерянно посмотрел в щель, потом на меня и прошептал:

– Да, Великий Катран. Не убивай их, молодые, глупые...

– Давай не будем спешить. Посмотрим, что будет дальше. Убить легко, только часто самое простое решение не самое правильное. И еще...

– Что, Великий Катран? – с надеждой в голосе спросил фактически мой сверстник.

– Ты когда вызывал меня, хотел защитить твой род. Правильно? Я не хочу убивать молодых и глупых. Если они пришли с плохими намерениями, воевать не будем. Дождемся ночи, и я уйду.

Он кивнул головой.

– Почему?

– Я готов защищать, если вас обижают плохие луцэ, забирают добычу, заставляют женщин и детей голодать, у нас их называют депутатами. Но запомни – мы, духи из другого мира, не помогаем, когда люди теряют разум и начинают убивать сородичей. Если это произойдет, я просто уйду в свой мир, и на ваши мольбы в этом месте силы никто и никогда больше не ответит.

Он не ответил, отвернулся и только пристально с болью в глазах наблюдал за приближающимися охотниками, возглавляемыми его сыном. Но вот на финише они начали удивлять – не доходя до оврага метров сто, четверо новых действующих лиц остановились и как-то начали мяться в нерешительности. А вот Семен, не скрываясь, пошел к оврагу. Ну, как-то это не напоминало нападение – я бы скрытно окружил овраг и атаковал бы с разных направлений. Иван это тоже понял и уже спокойно посмотрел на меня.

– Я рад, Иван, что ошибся. Сейчас Семен выскочит из оврага и начнет крутить головой в поисках отца и духа из другого мира. Осторожно вылезай, обходишь через кусты и выйдешь перед ними вон возле того изогнутого деревца. Понял?

Он кивнул.

– Выясни, что происходит. Если они с добрыми намерениями, то подними руки вверх. Если они пришли со злом, поговори с ними, попытайся убедить, не получится, падай на землю. Я прикрою, а ты кустами сможешь уйти.

Перед тем как покинуть наше убежище, он шепнул:

– Спасибо, Великий Катран, что пощадил молодых охотников.

Пока он пробирался кустами, я с интересом наблюдал, как из оврага вылез Семен с круглыми от удивления глазами – нас там не было. На всякий случай я приготовил две имеющиеся в наличии светозумовые гранаты.

Прошло несколько минут, и перед молодняком появился Иван, чем вызвал переполох. Они уже начали как-то волноваться и что-то выговаривали Семену, причем агрессии практически не было, все эти охотники показывали страх и растерянность. Я уже не сомневался, что произошло что-то очень плохое, и они всей толпой пришли просить помощи. Только появление вождя-шамана спасло Семена от пинков раздосадованных и разочарованных сородичей.

Иван начал что-то выспрашивать и даже несколько раз повышал голос, но молодняк в его присутствии присмирел и жадно ловил каждое слово. А Семен успокоился и начал крутить головой, сообразив, что я точно где-то рядом и рассматриваю всех через прицел карабина.

Когда глава рода наконец-то все выяснил, то несколько мгновений стоял с таким несчастным видом, что мне его даже жалко стало, но он совладал с собой, придя к какому-то решению, и, повернувшись лицом к холмику, медленно поднял руки, давая понять, что все нормально.

Я несколько мгновений думал. Мне все это очень не нравилось. Одно из правил выживания на зоне – не вписываться в чужие разборки, и сейчас по своей глупости влез по самые помидоры. Я не исключал варианта, что кого-то из близких родственников захватили в качестве заложников и шамана поставили перед фактом: слить меня какому-то третьему лицу. И сейчас они меня толпой могут спеленать и сдать с потрохами, поэтому светошумовая и газовая гранаты были подготовлены к применению на всякий случай.

Отцепив люверсы крепежки с передних столбиков, я откинул тент, поднялся во весь рост, держа карабин наперевес, и пошел на встречу с новыми людьми из этого времени. А чувство недоверия такое гаденькое, как червячок, грызло душу, но подойдя ближе и посмотрев в чуть раскосые глаза молодых охотников, все сомнения отошли в сторону. Я, выросший в цинизме начала двадцать первого века и сам прекрасно поднаторевший на таких вот штуках, служба обязывала, быстро прочитал своих новых знакомых. Страх, отчаянье, надежда, восторг, уважение, да эти чувства явно читались, а вот того самого прищура, как будто в тебя смотрят через прицел автомата – не было. Ну не чувствовал агрессии и все.

Когда подошел ближе к группе возбужденных товарищей, почувствовал себя Гулливером. Я был минимум на полголовы выше самого крупного из них. И еще в глаза бросились кровавые повязки у двоих, да и выглядели они неважно, сказывалась потеря крови и побегушки по лесам.

Подойдя вплотную, обратился к Ивану, который вышел на шаг вперед, а все остальные сразу сгруппировались за ним, так сказать, показывая реальное распределение власти у них в роду.

– Иван, рассказывай.

– Великий Катран, это были плохие луцэ Кривого, – и замолчал.

– Чего молчишь? Ну что я должен из тебя каждое слово тянуть?

– Нет. Им нужен был я.

– В смысле ты? Как глава рода или как шаман?

– Как шаман, надо человека лечить. Но они пришли не просить, а взять, и еще начали забирать последнее мясо. Зима тяжелая была, больных много, они забрали все.

– Понятно. Пришли за тобой, но этого не сказали, и сразу начали грабить, ты с сыном убежал звать помощи у духов предков. Дальше что? Что с твоей деревней?

Он опустил голову, так же сделали все остальные, и начал, немного путаясь в словах от волнения, рассказывать дальше.

Оказывается, его решили ловить более основательно – шаман-лекарь был очень нужен, пациент какой-то важный и до нормального доктора далеко. Вторая группа, во главе с атаманом, пошла по другой тропе, через болота, чтоб срезать путь и перекрыть пути отхода из капища. С нами они разминулись ненадолго, нашли следы и пошли в погоню, надеясь выгнать нас на основную группу. Но услышав звуки активной перестрелки, решили повременить, и как раз на них выскочил перепуганный Торка. Тот в красках рассказал, что всех пострелял злой дух. Атаман, конечно, не особенно поверил, но его люди сильно перепугались, да и он не решился лезть дальше – можно и на засаду нарваться, тем более своя шкура дороже. Рванули назад, заскочив в деревню, прихватили самых близких родственников шамана в качестве заложников, пригрозив, что если кто укажет путь к их лагерю, то всех убьют.

Странно, конечно. Некоторые моменты в этой истории мне были непонятны, но я заметил, что частенько у людей бывает другая шкала морально-нравственных норм, ну и соответственно другая логика при принятии важных решений.

– Много увели людей?

Он показал две руки с растопыренными пальцами – значит, десять человек. Скорее всего, у них мало боевиков, чтоб контролировать на марше большее количество заложников.

– Сколько было бандитов, и сколько Торка увел с ними охотников?

Он подумал и снова показал руку с растопыренными пальцами:

– Пять плохих луцэ, Торка и с ним его второй брат Пира и все.

– То есть ушло семь человек. Ты знаешь, где у них лагерь и что там за важный больной-то такой, для которого они пришли шамана забирать?

– Где живут плохой луцэ, знаю, а вот что за больной, плохо знаю. Говорят, важный женщина есть, ее дочка.

– Ну и этого достаточно. Есть смысл идти в вашу деревню?

– Нет, плохой луцэ идти надо. Забирать жена, дети.

– Я тоже так думаю. Но идем в другом порядке, как я скажу.

Он закивал головой.

– Хорошо, готовимся к маршу. Пойдем, тент свернем и рюкзак заберем, чувствую, ночка у нас будет веселой.

Разговоров больше не было. Все, кто здесь присутствовали, оказались добровольцами, которых выделил род, чтоб идти отбивать родственников шамана. Через полчаса, распределив груз, мы уже достаточно резво шли по лесу, периодически обходя многочисленные болота, куда-то на север, если судить по времени суток и положению солнца.

Только вот порядок движения я немного поменял. Впереди шел передовой дозор и периодически направлялись боковые дозоры, если места подходили для засад, хотя это было больше похоже на то, что я дую на воду. У противников практически нет нормального огнестрельного оружия, но все же не хотелось из-за своей беспечности получать неприятные сюрпризы. Тем более своих бойцов мне пришлось пометить – пожертвовал одним перевязочным пакетом, но теперь у каждого на руке и на ноге были белые повязки, чем они, кстати, стали безмерно гордиться.

По мере того как мы приближались к месту, которое, оказывается, знают практически все охотники в округе, народ начинал нервничать. Я их понимал: одно дело охота, а другое боевые действия с вооруженным огнестрельным оружием противником. Хотя как по мне, так они давно могли решить эту проблему: понаставить засад поблизости от лагеря и перестрелять бандюков по одному, когда у них закончатся продукты. Хотя эта банда уже давно терроризирует весь район, обложила данью все поселки и деревни. Местный сброд неплохо устроился: периодически навешиваются, забирают часть добычи и уводят к себе понравившихся женщин. Кстати, чтоб не до конца озлобить местных, они, натешившись, женщин потом отпускают. И вроде как все были довольны: местные – обновление генофонда, бандиты – разнообразие в жизни. Других, залетных, бандитов уничтожают. Представители российских властей тут, в глухомани, вообще не появляются – настоящий рай для изгоев. Но вот что такое недавно произошло, что бандиты резко поменяли схему поведения и пошли на прямой конфликт с местным населением, меня несказанно заинтересовало. Обычно в таких ситуациях, когда неожиданно меняется обычный уклад жизни, происходят судьбоносные решения, и именно в эти моменты можно выловить ой какую интересную рыбку в мутной воде.

Когда стало смеркаться, мы почти дошли до лагеря бандитов и спрятались в небольшом ельнике, чтобы обсудить дальнейший порядок действий. Охотники, пришедшие со мной, были настроены достаточно серьезно, но вот боевого опыта как такового у них не было, и все с надеждой посматривали на меня. Иван, ставший кем-то вроде заместителя, отправил двух охотников на разведку, а мы начали готовиться к боевому выходу. Я проверил оружие, магазины, гранаты и другие хитрые штучки, приготовленные, чтоб испортить жизнь всяким нехорошим индивидуумам. Главное, проконтролировал работоспособность элементов питания ПНВ и фонарей, чтоб в самый неподходящий момент не получить неприятный сюрприз.

Пока мы тихонечко сидели и ждали возвращения разведки, на густой, дикий лес опустилась весенняя северная ночь. Высоко в кронах величавых деревьев гудел ветер, до треска раскачивая верхушки и гоня по небу черные тучи, закрывшие все естественные источники света – луну и звезды. Но внизу пока практически не ощущалось дуновения воздуха, хотя шумовой фон, заглушающий любые передвижения, был в нашу пользу. Погода явно портилась, и как бы не в сторону урагана, и это уже начинало напрягать, гулять по ночному лесу под проливным дождем как-то особого желания не было.

Когда прошел час после ухода разведчиков, я снова провернул свой обычный финт со сменой места базирования, на случай возможного предательства или захвата бойцов. Мы сместились в сторону метров на сто, так чтоб контролировать подходы, оставив на старом месте одного из молодых охотников для связи. Но по прошествии времени оказалось, что все мои предосторожности были лишними: разведка вернулась без хвоста и обрисовали вполне нормальную для этого места и времени, но дикую для меня, как для бывшего военного, картину. Да, есть бандиты, сидят в лагере, жгут костер, но ни постов, ни секретов, ни патрулей нет, от слова «совсем».

Охотники, которым я три раза повторил свои запросы о разведке объекта, потратили кучу времени, нарезая круги вокруг лагеря бандитов, но не нашли никаких ловушек или сюрпризов, которых нам надо опасаться. Мало того что они возле лагеря встретили одну из старших дочек вождя, которую свободно отправили за дровами, логично предположив, что никуда она не денется, когда в одной из землянок заперты ее маленькие братья и сестры.

Я, честно сказать, немного был в шоке от таких раскладов, но продолжал слушать и задавать наводящие вопросы.

Лагерь бандитов был расположен возле небольшой мелкой лесной речушки, на берегу которой давным-давно безвестные старатели построили избу-временку. На поляне, возле дома построили навес и летнюю кухню и вырыли три больших просторных землянки, для проживания основного состава банды и еще две для склада и импровизированной тюрьмы для пленников, за которых предполагалось получить выкуп.

Когда мы осторожно добрались до места, я смог сам уже провести рекогносцировку. И я еще больше удивился и даже насторожился, предполагая искусную засаду. Костер на поляне горел настолько ярко, что «ночник» был не нужен, и я мог в обычный бинокль с просветленной оптикой тщательно рассматривать все возможные нюансы и признаки подготовленной ловушки, но ничего такого не было. Погода все ухудшалась и явно запахло приближающимся дождем. Люди разбрелись по землянкам, и на поляне под навесом остались сидеть только три человека, которые вроде как должны были осуществлять дежурную службу. Вооружение вообще никакое: какое-то старинное ружье, дубинки, ножи и все. Сами они выглядели как типичные каторжники – бородатые, грязные, в каких-то рваных обносках.

Оставшиеся бодрствовать о чем-то степенно разговаривали, периодически подбрасывая дрова и хворост в огонь и помешивая какое-то варево в котелке, по сути дела, окружающая обстановка их почти не интересовала. Так продолжалось пару часов, пока не приготовилась пища, они ее в три хари быстренько схомячили, и двое тут же под навесом улеглись спать, завернувшись в стеганные одеяла, а третий, видимо назначенный дежурным, остался сидеть у костра, поддерживая огонь. Минут через десять он поднялся и, прихватив ружье, медленно вразвалочку прошелся к сараю. Подергав дверь и проверив засов, причем находящийся снаружи, он вернулся на свое место. Ну, явно в сарае кого-то содержат, причем непростого – вон как в небольшую щель пробивается тусклый огонек свечи или какого-то примитивного светильника.

Так продолжалось еще с час, а каторжник терпеливо сидел и, видимо, спать не собирался, что меня несказанно огорчало. Но одно хорошо – он смотрел на огонь, а не на лес, и соот-

ветственно, мы, наблюдатели, были для него практически невидимы. Все это время охотники повторно нарезали круги вокруг лагеря, но так ничего опасного или необычного не нашли.

Прошел еще час, и бодрствующий часовой начал клевать носом и, чтоб не замерзнуть, накинул на плечи одеяло и стал укутываться. И я, немного подмерзнув, честно говоря, начал ему завидовать – сам бы с удовольствием завернулся в теплое одеяло и вздремнул бы возле костра. Но дело превыше всего. Одна проблема – дежурные так хорошо расположились, что со стороны спины они были неплохо защищены обрывистым берегом речки и там просто так не залезешь, а до деревьев, где мы сейчас прятались, было метров пятьдесят, и что-то меня терзали сомнения относительно эффективности стрельбы из простеньких охотничьих луков на такой дистанции. А мне стрелять из гладкоствола картечью с такого расстояния тоже не с руки.

Рядом присел Иван и зашептал на ухо, хотя в тактических наушниках я его и так нормально слышал.

– Великий Катран, нет никого. Плохие луцэ спят. Этот, – он кивнул в сторону дежурного, – почти спит, огонь смотрит, ничего не видит.

– Хорошо. Сможете стрелами неспящего плохого луцэ подстрелить?

Он кивнул головой.

– Выдели двух стрелков, чтоб гарантированно без шума его отработали. Главное уничтожить дежурных и подпереть все двери в земляках, чтоб никто не вырвался. Иначе мы не сможем их удержать, если они начнут толпой разбегаться. Может начаться свалка и могут пострадать невинные люди. Понял?

Он кивнул головой, а я продолжил накачку перед боем:

– Главное быстрота. Выходим на исходную. Все из луков стреляют в дежурного, потом рывок к костру и зачистка двух других.

– Понял, Великий Катран.

– Все, выдвигаемся...

Мы сдвинулись чуть в сторону по кромке деревьев, так чтоб костер находился прямо между нами и охранником, чтоб свет пламени слепил его до последнего момента, и он нас увидел максимально поздно.

Мы только вырвались на открытое пространство, как рядом раздались несколько «Бздыньг!», и прямо через пламя костра в охранника метнулись несколько стрел. Я явственно видел несколько попаданий, точно парочку в грудь и одна распорола щеку. Бандит что-то вскрикнул, прикрыв руками лицо, и завалился вперед, чуть ли не головой в костер, и тут же завыл, как бешеный волк. А вот это в наши планы не входило. Его спящие напарники подняли головы и стали озираться по сторонам, пытаясь понять, что происходит.

«Бздыньг! Бздыньг!» – опять защелкали луки охотников, посылая стрелы, но тут не все было так гладко – беглые каторжники явно были не новичками и, спрятавшись за бревном, стали расползаться в разные стороны, да и запас стрел у моих спутников был не очень большой, штук по пять-шесть на человека. Но тут время работало на нас – пока они там ползали, мы добежали до костра, и я уже мог работать своим карабином. Один из бандитов вскочил, прихватив имеющийся в наличии огнестрел, но тут же вскрикнул, получив три стрелы в спину и захрипев, завалился на бок, а вот второй, явно непростой, перекатом ушел с линии огня и с дубинкой напал на правого охотника, который неосторожно подскочил слишком близко к лежке охранников. Короткий взмах, вскрик и молодой парень упал на землю с раскроенным черепом.

«А удар-то сабельный. Зек явно из казачков, вон как на контратаке сработал», – как-то совсем без эмоций отметил я про себя и, уже на автомате словив ловкого противника в маркере коллиматорного прицела, плавно, подушечкой пальца, нажал спусковой крючок.

«Д-дах!» – тяжелый гладкоствол «Вепрь» дернулся в руках. Противник, не успевший увернуться, подломился и упал на землю с развороченной грудью – картечь на такой дистанции не оставляет шансов.

«О, как, не обманула чуйка», – даже с какой-то затаенной радостью констатировал я происходящее.

Видимо, атаман решил подстраховаться и организовал что-то вроде отряда быстрого реагирования. Громко скрипнула дверь. Пятеро вооруженных бойцов не спали и ждали сигнала, и, услышав крики и стрельбу, начали выскакивать из правой землянке, где ночевал атаман, и сразу с воем пошли в атаку на опешивших охотников.

«Д-дах! Д-дах!» – первый, бегущий почти прямо на меня, размахивающий настоящей пашкой, покатился по земле. Следующий бандит, вскинувший для выстрела какое-то ружье, тоже получив заряд картечи, подломился в ногах, и, выстрелив вверх, упал на спину.

«Бздынь! Бздынь!» – пришедшие в себя охотники тоже отметились и еще двое нападающих, уже истыканных стрелами, упали на землю, а последний, пятый, замер в нерешительности. Его понять можно – только что они впятером выскочили в атаку, а теперь он остался один, в гордом одиночестве против неизвестных противников, которые просто перестреляли многих товарищей. Судя по его глазам и жестам, еще чуть-чуть и начнет поднимать руки, но он даже дернуться не успел, когда в горячке боя разошедшиеся охотники его, как в тире, натыкали стрелами.

«Бум!» – как выстрел пушки прозвучал хлопок пистолетного выстрела, и со стороны дверей в первую, атаманскую землянку поднималось облако порохового дыма. Явно стреляли так, для остратки, почти никуда не целясь. Но маячить неподвижной мишенью тоже не хотелось, поэтому, уже привычно распластавшись на земле, откатился чуть в сторону и взял на прицел нового стрелка.

«Бум!» – еще раз что-то вжикнуло над головой, и возле двери землянки опять поднимается облако порохового дыма.

«Да что же это такое», – тут уже я разозлился. Судя по скорострельности, явно из револьвера постреливают, по-другому просто не успели бы перезарядить. Дождавшись, когда возле двери опять появилось движение, аккуратно два раза подряд нажал спусковой крючок карабина.

«Д-дах! Д-дах!» – кто-то там вскрикнул, и тут же скрипнула закрываемая дверь.

Я повернул голову к шаману, который не отставал от меня ни на шаг.

– Иван, добить раненых. Нас мало, чтоб никто в спину не выстрелил и не ударил.

Он кивнул головой и ящерицей уполз в сторону.

Сменив магазин в карабине, держа на прицеле злополучную дверь, откуда только что стреляли, перебежал в сторону и тут же увидел какое-то шевеление возле второй землянки и, не раздумывая, пальнул в ту сторону для остратки. Опять кто-то вскрикнул, но без боли, вроде как от страха.

– Блокируем двери! – крикнул бегущему рядом охотнику, показывая в сторону второй землянки, и тот понятливо кивнул головой. Он с напарником быстро нашли какое-то толстое бревно и подперли дверь, пока я держал на прицеле вход в первую землянку, где, как я понял, проживал основной состав банды. А вторая землянка вроде как для обслуживающего персонала.

Убедившись, что с этой стороны сюрпризов не будет, переместился ко входу к первой землянке и замер в ожидании, хотя и сам мало представлял, что дальше делать.

Бросив короткий взгляд в сторону, увидел, как Семен поднимает на ноги охотника, который в самом начале боя получил палкой по голове. Так тот сам умудрился подняться, хотя его ноги постоянно подгибались, и все лицо было в крови. Явно серьезное сотрясение, но и то хорошо, что «трехсотый», а не полная потеря бойца.

Пока в голове крутились мысли относительно раненого бойца нашего маленького отряда, решение пришло само-собой. Взяв длинную палку, я с трудом дотянувшись до дверей землянки, что есть силы постучал и крикнул:

– Полиция! Все выходят по одному, оружие в сторону!

И после очередного удара изнутри последовали два выстрела, прямо через дверь. Крупные тяжелые пули, выбив большие щепки из досок, ушли в землю, но и я тут же в ответку три раза пальнул в дверь:

«Д-дах! Д-дах! Д-дах!» Причем стрелял так, чтоб веером максимально зацепить все пространство за дверь. Опять вскрик, и чуть позже кто-то начал подвывать.

Я опять палкой постучал в дверь и в стиле незабвенного Глеба Жеглова прокричал:

– Эй, висельники! Выходим по одному. Ножи, палки, стрелялки откидываем в сторону. Любое неповиновение, завалю без разговора.

Но в отличие от известного фильма «Место встречи изменить нельзя», никто отвечать не стал, но какие-то приглушенные крики и мат все же доносились.

Я еще пару раз постучал, привлекая внимание, покричал, но меня, типа легавого, уже в открытую просто послали. Я так и думал, поэтому двумя выстрелами в одно место устроил в двери небольшую пробоину в верхней части, в которую, свесившись с крыши землянки, закинул газовую гранату сделанную из обычного газового баллончика. Прошло несколько секунд, и я явственно услышал крики боли, ужаса, ну и конечно, жесткий кашель.

Я мог только представить, что там сейчас творилось. В подъезде пятиэтажки, если выпустить газовый баллончик, люди по квартирам начинают вешаться, а тут в закрытом пространстве, причем с не очень хорошей вентиляцией. . . Явно получился небольшой Армагеддон местного разлива. Прошло несколько секунд, и дверь чуть ли не слетела с петель от сильного удара, и из землянки полезли рыдающие и кашляющие бандиты, правда было их немного – всего четверо. А я уже, честно сказать, стал беспокоиться, как буду всю эту ораву контролировать.

Возникла мысль относительно запасного выхода из атаманской землянки. Обычно бандеровцы в своих схронах обязательно устраивали запасные пути эвакуации при обнаружении убежища. Но сейчас у меня просто не было ни сил, ни времени проводить поисковые мероприятия и качественно блокировать пути возможного отхода. Оно мне надо, еще по ночному лесу устраивать догонялки за людьми, к которым я не имею вообще никакого отношения. Помогу людям, так в основном возьму какие-нибудь сувениры и к вечеру вернусь к месту силы и чухну обратно в свое время. Поэтому – убегут, значит, убегут, пусть местные полицаи занимаются наведением порядка, я и так тут наследил, наштамповав жмуриков. Надеюсь, потом не спросят, хотя тайга и не такие тайны скрывала. С другой стороны, вряд ли бандиты при строительстве землянки предусмотрели противогазовые перегородки, на случай если их попытаются выкуривать.

Широкие длинные строительные стяжки быстро решили проблему с пленными, и четыре кричащих и извивающихся тела со связанными за спиной руками распластались на поляне, недалеко от костра.

– Семен, – позвал стоящего недалеко сына шамана, который все еще держал лук с наложенной на тетиву стрелой, в готовности завалить любого, кто попытается выказать неповиновение Великому Катрану Он тут же повернул ко мне голову

– Слушаю, Великий Катран.

– Распорядись набрать воды и промыть глаза этим плохим луцэ, а то они так кричать до утра будут.

«Хотя, с другой стороны, остальные обитатели лагеря, услышав такие крики, явно будут более сговорчивыми».

Подойдя к двери во вторую жилую землянку, я с осторожностью палкой постучал, так чтоб меня ненароком не подстрелили, и крикнул опять в стиле Глеба Жеглова:

– Граждане бандиты. Сопротивление бесполезно. Выходим по одному, подняв руки. Оружие выкидываем. Любая попытка неповиновения карается расстрелом на месте. На размышление две минуты.

И минуты не прошло, как скрипнула дверь и на пороге появился плюгавый мужичонка в каком-то драном тулупе, который затравленно озирался по сторонам, и только после окрика сделал несколько неуверенных шагов вперед. Оружия у него не оказалось. Охотники его быстро обыскали и тут же под моим чутким руководством уложили мордой лица на землю и зафиксировали толстой стяжкой руки за спиной.

– Следующий...

К моему удивлению, эксцессов вообще не было, хотя, как я и предполагал, вторая землянка была для обслуживающего персонала и, так сказать, аутсайдеров банды. Там жили какие-то старые потасканные женщины, которые убирались, стирались и кашеварили, парочка мужичков и несколько детей. Хорошо, что не стал их выкуривать газовой гранатой, тут действительно было бы перебор.

Их даже связывать не стали, просто согнали в одну кучу, усадив на землю, да и никаких попыток к неповиновению или даже побегу не наблюдалось. Видимо, атаман их тут здорово выдрессировал, используя драконовские методы и жестоко подавляя любое неповиновение.

И вот они, сбившись в кучу, бледные и испуганные в свете костра и начинающегося рассвета, со страхом косились на меня. Картина, для этого времени, конечно, была дикой – стоит детина, больше метра восьмидесяти, вся такая крутая с карабином, в камуфлированной снаряжке, в баллистическом шлеме, в балаклаве, в стрелковых очках и грозно на всех посматривает. Да и аккуратно сложенные рядком в сторонке тела убитых в перестрелке бандитов однозначно наводят на мысль, что шутить сейчас не стоит.

Ну вроде как ситуация под контролем и первичное сопротивление сломлено. Иван, как нормальный отец, сразу взломал дверь в третью землянку, где содержались пленные и на ночь запирались заложники из местного населения. Воссоединение родственников было не настолько бурным – у народности, к которой принадлежал Иван, его сын Семен и молодые охотники, как я понял, родственные чувства проявлять при чужих людях было не принято.

Мне пришлось немного вмешаться:

– Иван, времени мало. Обследуйте землянку, – кивнул в сторону второй землянки, где проживала обслуга, – ищите оружие, продукты, ценности.

Ох как у него забегали глазки. Пограбить и хапнуть чужого они никогда не отказывались. А я думал, что после обыска загнать обратно народ в землянку и закрыть, пусть сидят там до вечера, пока мы не решим окончательно, что делать.

Но и тут начались сюрпризы. Старшая дочь шамана что-то быстро затараторила, показывая на тюремную землянку, а Иван, выслушав ее, выругался сначала на своем языке, а потом выдал цветистую ругань на могучем русском, и я понял, что раздражен он очень сильно.

– Иван, что твоя дочурка сообщила нового, что тебя так разозлило?

Он заткнулся на половине фразы и повернулся ко мне. С виноватым видом кивнув на тут же слинявшую дочку, проговорил:

– Эта... сказала, что с ними в земляном доме сидит хороший луцэ, который прислан большим белым царем, чтоб смотреть за порядком.

– О как. Все интереснее и интереснее. А кто в сарае сидит?

– Белая госпожа с дочкой. Дочка очень больна, меня к ней и хотели вызвать.

Тут я выругался. Ну, дают, дети тайги. Важнейшую информацию узнаю так, походя.

– Я смотрю, тут у вас вообще все очень оригинально.

Иван дословно меня не понял, но общий смысл моего неудовольствия он ощутил.

– Выводите хорошего луцэ, посмотрим, что тут за персона.

Иван с Семеном уж как-то очень быстро и суетливо рванули в тюремную землянку и через пару минут вывели под руки новое действующее лицо.

Среднего роста, очень плотный, но явно начинающий набирать вес, хотя точно не кабинетный работник. На ногах не было обуви, и чтобы как-то идти по холодной земле его, ступни были обмотаны рваной мешковиной. Видавшая виды грязная и порванная одежда явно была формой, очень смахивающая на полицейский мундир. Лампасы на штанах и следы сорванных с мясом погон подтверждали мои предположения. Когда-то роскошные и ухоженные волосы и усы были залиты кровью, да и все лицо носило следы побоев – правый глаз вообще заплыл.

Когда его подвели ко мне, он целым глазом ну уж очень цепко и профессионально осмотрел меня, в некоторой степени признав коллегу. Ну в такой обстановке я явно выпадал из общей картины и, естественно, не походил на местных бандюков, да и необычная снаряга и экзотическое оружие стоили немалых денег. Он глянул на рядок трупов бандитов и в свете уже начинающего рассвета чуть подтянулся, выпрямил спину и уже с неприкрытым интересом рассматривал меня. Ну тут нужно сразу брать ситуацию под контроль – дядька непростой, крученный, повидавший жизнь. То, что полицейский, тут и гадать не надо, туда охотно брали ветеранов военной службы и не простых солдат, а унтеров, умеющих управлять личным составом. А с такими нужно четко показать старшинство.

– Представьтесь. Звание, фамилия, обстоятельства пленения, – командным голосом нарушил молчание.

Дядька не дурак, сразу прочувствовал во мне офицера и с определенной долей гордости ответил:

– Полицейский урядник Еремеев, Алексей Фролович.

И замолчал. Его немного покачивало, видимо, досталось ему конкретно и налицо все симптомы сотрясения мозга.

– А как к этим попали? – я кивнул в сторону трупов и связанных бандитов.

Он скривился от боли, и на фоне синяков все это выглядело очень гротескно, и чуть отвернулся в сторону.

– Были в патруле и нарвались на засаду. Митяя и Прошку застрелили. Подо мной убили лошадь. Когда падал – оглушило. Очнулся уже связанный.

Я еще раз оглядел его и, согласившись с тем, что вижу, проговорил:

– Урядник, идите к костру. Посидите, придите в себя. Семен принесет воды и найдет что-нибудь поесть. Вряд ли эти каторжники вас нормально кормили. Если давно не ели, сильно не усердствуйте, можете получить сильные желудочные боли.

В его взгляде промелькнуло удовлетворение и надежда.

– Спасибо, ваше благородие. Как к вам обращаться?

– Ни мою фамилию, ни мое звание, ни мою должность я назвать не могу, да и оно вам ничего не скажет. Вы служили в армии, судя по вашей выправке, должны понимать. Тем более я бы все равно стал искать местных представителей закона, чтоб сдать весь этот балаган. Моя задача выполнена, банда нейтрализована. Те, кто посмел напасть на полицейских – наказаны. Идите, приходите в себя, приводите в порядок мундир. Если не ошибаюсь, ваши сапоги на одном из этих, – и я кивнул в сторону лежащих бандитов, – потом поговорим более предметно.

Он кивнул головой и изобразил что-то вроде стойки смиренно, а я повернулся и пошел в сторону сарая – было очень интересно посмотреть, что там за белая госпожа содержится.

Глава 6

Я не сразу пошел к сараю, хотя в одном месте ой как зудело прояснить ситуацию с некими важными гостями атамана, содержавшимися в отдельном сарае явно не по своей воле. Но пришлось задержаться и заняться сбором и охраной трофейного оружия, ну и конечно распределением пленных. Получить выстрел в спину или удар ножом как-то не хотелось, поэтому пришлось немного поднапрячься, тем более в этом вопросе положиться на Ивана и его охотников я не мог. Лишняя доверчивость частенько приводит к летальным последствиям, и самые сильные и мощные бойцы, как правило, проигрывали, получив удар в спину.

Больше всего волновало огнестрельное оружие, что действительно могло мне доставить неприятности, особенно на контрасте с допотопными ножами и дубинками, которыми была вооружена основная масса бандитов. Тут все просто и прозаично – еще два револьвера Смит-Вессона, видимо, захваченные у убитых полицейских, и два ружья, причем одно из них выглядело привычно – дульнозарядное ударное пехотное ружье времен Крымской войны, почти родной близнец того, что лежало с рюкзаком и было захвачено во время стычки с бандитами в лесу. Ну а вот второе – винтовка Бердана № 2. Ну и к ней в карманах убитого бандита нашлось около десятка патронов. Очень даже мощный и убойный агрегат для данного времени. Будет одним из сувениров, которые утащу в свое время, тем более реально боевой трофей, а что в бою взято, то свято.

Чтоб особенно не волноваться относительно выстрела в спину, я взял все стрелялки и стянул с помощью одной толстой пластиковой стяжки все четыре ствола за спусковые скобы.

«Вот, так будет спокойнее», – буркнул про себя с некоторым удовлетворением и, поднявшись с колен, направился в сторону сарая.

К этому моменту уже рассвело и на лесной поляне, где располагался лагерь только-только разгромленного бандформирования, уже не смолкал гомон и деловая активность. Власть сменилась, но жизнь продолжалась и несколько пожилых и побитых жизнью женщин, в сопровождении разновозрастных детей, занимались обычными хозяйственными делами. Как оно говорится: «война войной, а обед по распорядку». Они сначала осторожно, с опаской поглядывая на меня, спросив разрешение у Ивана и дождавшись моего утвердительного кивка, приступили к приготовлению завтрака. Чуть позже, освоившись и поняв, что особых репрессий и зачисток не предвидится, уже деловито забегали по поляне, периодически под присмотром одного из охотников заходя в складскую землянку за продуктами. Иван, который и там умудрился успеть все перерыть на предмет скрытого оружия, только сказал: «Великий Катран, там ничего нет», я только кивнул головой в знак согласия. Ну может, что и утаили, но я не в том положении, чтобы играть в скрагу.

Полицейский урядник, быстро вписавшийся в ситуацию, стянул с одного из убитых свои сапоги, нашел где-то портянки и тщательно приводил себя в порядок, параллельно привычно покрикивая на снующих и тут и там местных работников тыла. Увидев мои движения, тут же пристроился справа сзади, на типичном месте адъютанта, тем самым показывая, что полностью признает мое старшинство и готов помогать, так сказать, реабилитируясь в свете своего пленения и потери в перестрелке подчиненных полицейских. Он быстро смекнул, что я не собираюсь особо светиться и скоро уйду, и тут для него непаханое поле набирать дополнительные очки и бонусы. В принципе, судя по моему наблюдению, дядька вполне нормальный, для полицейского, и если ему немного подыграть, то в этом времени у меня появится свой человек в полиции. Ведь, если что, поможет и нормальную легенду отработать со всеми документами, и в случае чего посоветует дельное, а это ой как нужно для нормальной инфильтрации в местные реалии. Я обернулся и посмотрел ему в глаза и чуть кивнул головой, давая понять, что согласен с его невысказанным пожеланием, и тут же уточнил:

– Алексей Фролович, там в куче железа вроде как ваша шашка была. Оденьтесь по форме. Думаю, в сарае закрыты непростые люди, и вам, как местному представителю закона, надлежит выглядеть максимально авторитетно. Я скоро уйду – задание выполнено, а вот вам, как я понял, все это разгрести придется. А при правильной подаче событий еще какую-нибудь награду на грудь повесите и уничтожением банды оправдаете потерю подчиненных. Как?

Урядник пристально, на мгновение посмотрел мне в глаза, пытаясь понять, шучу я или нет, и, придя к определенному выводу, быстро просчитал ситуацию и чуть затряс головой.

– Спасибо. Молиться за вас буду, ваше благородие. За то, что жизнь спасли...

Дальше он не стал продолжать – мы два взрослых человека, у которых за плечами долгая и насыщенная жизнь, поэтому все недосказанное и так было понятно. Я ему прикрываю зад по полной программе, и такое часто стоит не дешевле, чем спасенная жизнь. Тут и пенсия детям и жене, тут и поруганная честь, и потерянное уважение, которые тоже немаловажны в этом времени. Это все, естественно, из моего крайне субъективного видения реалий этого мира. И если хотя бы частично окажется правдой, то уже созрел небольшой план, как это все впоследствии можно будет, так сказать, слегка монетизировать к взаимной выгоде. Но и тут лучше подстраховаться, так сказать на всякий случай, вдруг со временем урядник попытается дать задний ход или вообще уйти в оппозицию и слить спасителя.

Незаметно снова активировав экшен-камеру, прикрепленную к баллистическому шлему, я начал экспресс-допрос.

– Но прежде, чем Я НАЧНУ ВАС ВЫГОРАЖИВАТЬ, урядник, расскажите, при каких обстоятельствах попали в плен. И не врете, ложь я сразу чувствую, и потом последствия будут самые неприятные.

Урядник, мужик крученный и опытный, невольно вздрогнул от моего взгляда и от голоса. К собственному удивлению, я не собирался шутить и прощать ложь. Если он сейчас начнет гнать тюльку, завалю без разговора и пойду дальше по своим делам и, что главное, никаких душевных мук не буду испытывать. И он это понял, поэтому невольно попытался смахнуть выступивший холодный пот со лба. Урядник оглянулся на лежащих в стороне убитых бандитов и с ярко выраженным напряжением в голосе заговорил:

– Не сомневайся, ваше благородие, врать не буду, все понимаю. Как на исповеди...

– Ну и хорошо. В засаду попали? Судя по вашему рассказу, вас было минимум трое, и все люди бывалые, с опытом. Таких просто в лоб, нахрапом не возьмешь, зубы обломаешь.

– Так и есть. Пятеро нас было, выехали в патруль, контрабандистов ловили.

«О как, даже интересно».

– Какие тут контрабандисты? До ближайшей границы или моря сколько верст-то будет? Контрабанду что, по воздуху переносят?

– Не скажите, ваше благородие. В тайге золотишко находят, да к морю тайными тропами выносят, а там англичане, да свои по воде приходят и меняют на оружие, продукты и контрабандный товар, который можно в городах перепродать.

– Так, где мы точно находимся? – задал я один из самых главных вопросов, чуть затаив дыхание.

Урядник чуть смутился и непонимающе проговорил:

– Так в Вологодской губернии, ваше благородие.

Я прикинул, где это находится, все-таки карты Российской империи изучал достаточно тщательно, и тут же решил уточнить.

– Какой уезд? – Хотя мне это бы ничего не сказало, но более детально уточнить местоположение не помешало. Потом, конечно, придется лезть в смартфон, спрятанный в подштанчике, куда предусмотрительно накидал кучу полезной информации, в том числе и административные карты Российской империи девятнадцатого века. Ну, или, если будет время и возможность,

можно будет вытащить из рюкзака заветный планшет, где все это было продублировано и более детализировано. Наизусть уезды, тем более Вологодской губернии, я точно не знал.

– Так Яренский уезд... – с какой-то даже долей удивления проговорил он.

– Хорошо. А теперь со всеми подробностями, кто вас отправил в патрулирование, район, длительность, ну и конечно, как был уничтожен патруль.

Он не стал юлить и вполне четко и с подробностями все рассказал. Типовая ситуация, ничего особого для себя я не видел, хотя потом пересмотрю запись и, если вернусь, отдам психиатрам, пусть проанализируют.

– Ну и хорошо. Я вам верю. А теперь пойдем посмотрим, кого там в сарае держат, чувствую, нас ждет большой сюрприз и много дополнительных волнений. Готовы, урядник?

Он поправил португепю с пустой кобурой и служебной пашкой на боку, и мы вместе двинулись к дверям сарая, которые были снаружи заблокированы примитивным засовом. Подойдя ближе и взяв наизготовку карабин и сняв его с предохранителя, увидел, как через достаточно большую щель между досками двери и косяком за нами настороженно и с некоторой долей надежды наблюдали две пары испуганных глаз.

На пулю нарваться тоже как-то не хотелось, и, отойдя чуть в сторону, я оставил честь снять засов и открыть дверь уряднику, а сам вскинул карабин, чтобы, в случае чего, открыть огонь на поражение. Полицейский сразу понял мои намерения и сам стал так, чтоб не отсвечивать перед дверью и не перекрывать мне сектор обстрела, но при этом с определенной сноровкой скинул запор и резко рванул дверь на себя.

Н-да. Петли скрипнули так, что аж зубы занули. И что-то мне говорило, что такой неприятный, омерзительный звук открывающихся дверей был не просто так – явно все заточено на пресечение любых попыток побега, учитывая монолитность стен сарая. Такая предусмотрительность для простых бандитов была, мягко говоря, нехарактерна. Жаль, с атаманом не смогу пообщаться, а то количество вопросов к нему с каждым часом нахождения в этом мире все множилось и множилось. Личность точно неординарная, но, к сожалению, он со своим помощником, получив через дверь по заряду картечи в грудь, лежат в главной землянке возле входа. И пока там окончательно не проветрится после применения газовой гранаты, тщательно все осматривать нет особого желания. Как-то прихватить с собой противогаз я не сподобился, да и таскать его с собой в походе было бы несусветной глупостью...

Дверь открылась, и первое, что я увидел, это пристальный и, можно даже сказать, твердый взгляд женщины. Возраст было трудно определить. По моим меркам, где-то около сорока – сорока пяти лет, но тут играла роль и неухоженность, землистый цвет лица и явно выраженные круги под глазами, хотя грязное платье изначально точно было недешёвым. Перед путешествием в это время немного ознакомился с местными модами, и наряд женщины можно было идентифицировать как дорожное платье высокопоставленной дворянки.

Округлое лицо, мягкие черты лица, правда нос был тонкий и прямой и немного выпадал из образа, придавая некоторое острое, незавершенное ощущение картины. Длинные густые светло-русые волосы были неаккуратно свернуты в узел на затылке. Ну и главное, глаза. А вот в глазах было отчаянье с некоторой толикой надежды. Странно.

Она попыталась задрать носик и первой заговорила:

– Господин офицер. Я княгиня Таранская, и нам срочно нужна помощь.

Но вот просьбы как-то я и не услышал, было в этой фразе что-то такое, больше похожее на указание. А я вот такие заходы как раз и не воспринимал, и тут же последовала реакция.

Вскинув карабин к плечу, четко поймал ее грудь в марке коллиматорного прицела. Несмотря на то, что лицо урядника изменилось, и он начал показывать какие-то знаки, я, уже заведясь, запустил машину:

– Шаг вперед. Шаг влево. Руки за голову. На счет три стреляю на поражение. Отсчет пошел. Раз! Два!

«Три» не понадобилось говорить. Тетка быстро поняла, что это не шутка, и тут же испуганно шагнула вперед и сделала шаг в сторону, освобождая дверной проем, в котором тут же нарисовалась какая-то молодая девчонка, в простеньком платьице, не дочь, больше похожая на служанку.

– Руки вперед. Ладони вверх!

Когда девчушка испуганно все это проделала, я спросил:

– Кто такая?

Она с ужасом в глазах еле пролепетала:

– Так барыни служанка...

Княгиня вставила свои пять копеек:

– Это Глаша, моя служанка...

– Молчать! Ты, – обратился к служанке, – шаг вперед и шаг в сторону!

Она с широко открытыми от ужаса глазами послушно на подгибающихся ногах сделала несколько шагов и остановилась возле княгини, боясь пошевелиться.

– Урядник, осмотри сарай. Вдруг сюрпризы.

Он с пониманием кивнул головой.

– Будет сделано, ваше благородие, – и с резвостью, взявшей след борзой, рванул в внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.